

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№3 (7)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№3 (7)

2017

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2017, №3 (7)
Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Черник М.В.

Трансгрессия калмыков Астраханской губернии в Нижневолжском фронтире.....7

Канатьева Н.С.

Молокане Астраханской губернии16

Расина Э.О.

Женщина на Нижневолжском фронтире21

ФРОНТИР В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Якушенкова О.С.

Образ воительницы в российском и китайском дискурсах: сравнительный анализ32

Ставров И.В.

Россиеведение китайского приграничья (о россиеведческих исследованиях в провинции Хэйлунцзян).....44

Кирчанов М.В.

Нарушая запреты традиции: реальные фронтиры и воображаемые границы в исследованиях национализма57

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Якушенков С.Н.

Семантическое разнообразие образов индейца в Новой Англии в XVIII в.....82

CONTENT

RUSSIAN FRONTIER

Chernik M.V.

Transgression of kalmyks of the Astrakhan province in the Lower Volga frontier.....7

Kanateva N.S.

Molokan settlements of the XIX century in the Astrakhan province16

Racina E.O.

Woman at the frontier of the Lower Volga region.....21

FRONTIERS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

Yakushenkova O.S.

The image of a woman-warrior in the russian and chinese discourse: a comparative analysis.....32

Stavrov I.V.

Russian studies of chinese borderlands (about russian studies in Heilongjiang province)44

Kyrchanoff M.W.

Violating prohibitions of tradition: real frontiers and imagined borders of nationalism studies57

FOREIGN FRONTIER

Yakushenkov S.N.

Semantic diversity of images of the indian in New England in the XVIII century.....82

ТРАНСГРЕССИЯ КАЛМЫКОВ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ

Черник М.В.

Черник Мария Владимировна,
Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: chernik-max@mail.ru

Статья посвящена проблеме трансгрессии калмыков Астраханской губернии на территории Нижневолжского фронта. Трансгрессия на территории фронта рассматривается автором как способ адаптации к новым условиям существования.

Кочуя в нижневолжских степях, калмыки были вовлечены в достаточно сложный и хронологически продолжительный процесс формирования поликультурной среды Астраханской губернии. Заселение края происходит под надзором российского правительства, стремившегося закрепить данные территории. Окраинное положение губернии, накладывает определенный отпечаток на состав населения: это и раскольники, и казачье население, и выдворявшиеся сюда жители центральных губерний Российской империи, и киргиз-кайсаки (казахи) Буковской орды, а также другие многочисленные этносы. В процессе совместного проживания в одном пространстве и постоянных контактах, модель мира калмыка начинает постепенно меняться. Меняется его образ жизни, меняются традиционные способы хозяйствования, меняется язык. Все это заставляет выходить калмыцкое население за привычные границы бытия. Кочевой патриархальный родовой быт калмыцкого народа постепенно разрушается, в результате взаимодействия с русским, татарским, туркменским населением, калмыки адаптируются к новым культурным моделям, многие из которых успешно начинают практиковать в повседневной жизни.

Автор, опираясь на архивный и этнографический материал, приводит примеры проявления различных видов трансгрессии в среде калмыцкого населения, явившиеся следствием тесного межкультурного взаимодействия оседлого и кочевого населения Астраханской губернии.

Ключевые слова: Астраханская губерния, кочевые народы, калмыки, межкультурное взаимодействие, нижневолжский фронт, трансгрессия, судопроизводство.

Нижнее Поволжье исторически являлось местом пристанища кочевых народов, различных племен, сменявших друг друга на протяжении столетий. Астраханский край стал воротами, сквозь которые племена Азии проникали в Европу. Одним из таких племен стал калмыцкий народ в начале XVII века появившийся в астраханских степях.

После откочевки в конце 1771 года значительной части калмыков в Джунгарию, на приволжских степях нагорной стороны р. Волги осталось около 13 000 калмыцких семей. Калмыцкое ханство было упразднено, а государственность калмыцкого народа была фактически ликвидирована (Максимов, 2002, стр. 152). Калмыцкая степь вошла в состав Астраханской губернии. Правительством был взят курс на «усиление между калмыками склонности к оседлой жизни».

В конце XVIII века на территорию Астраханской губернии начинает «усиливаться выдворение оседлых переселенцев». В заволжских степях, оставленных калмыками, разрешено было селиться раскольникам, а позднее сюда стали переселять казенных крестьян из Воронежской, Рязанской и других российских губерний. Выдворявшиеся переселенцы занимали и заселяли каспийское побережье, берега и рукава р. Волги, острова, лежащие в ее устье, а в первой половине XIX века ими была частично занята пограничная окраина со стороны Донского войска (Костенков, 1868, стр. 105). Середина этих площадей была оставлена в пользу кочевых народов, самым многочисленным из которых были калмыки.

В летние месяцы они кочевали на своих степных пастбищах, а в зимнее – «вкочевывали своими стадами в лесные займищные дачи», принадлежащие русским селениям и казачьим станицам. Именно в это время года калмыки контактировали с оседлым населением, покупая и обменивая у них хлеб и другие припасы на деньги, и свой скот. (Костенков, 1868, стр. 45). Взаимоотношения достаточно часто носили многосторонний характер (русские, калмыки, киргиз-кайсаки (казахи), туркмены, татары), именно благодаря этому на данной территории постепенно создается своеобразная поликультурная среда, зона межкультурного взаимодействия. Современные отечественные ученые берут за основу определение фронта как «контактной зоной различных этнических, религиозных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды в свою неповторимую мозаику». Исходя из этой терминологии, мы однозначно можем назвать саму территорию Нижнего Поволжья фронтиром (Материалы круглого стола, 2014, стр.308)

Современные исследователи С. Н. Якушенков и О.С. Якушенкова (2014) в статье «Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта» обратили внимание на то, что попадающие во фронтное пространство участники сами трансформируются, преступая привычные им социальные нормы и рамки (стр. 278)

Огромные пространства степей (81 057 кв. верст, при плотности населения 1, 49 чел. на кв. версту) позволяли достаточно долго сохранять им свой кочевой и патриархальный родовой быт,

свойственный монголам, с которыми они имели одно общее происхождение (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 1. об.).

Основанием общественного устройства калмыков служил хотон – группа близкородственных семей, нераздельно кочующих на данной местности. В состав хотона должно было входить не менее 15 кибиток-семейств (Команджаев, 2008, С. 153). Хотоны, родственные между собой составляют аймаки (роды), которые в свою очередь так же находясь в родственных отношениях (иногда в очень дальней степени) между собой составляли улус. Калмыцкие кочевья (Калмыцкая степь) во второй половине XIX в. в административном отношении были разделены на семь улусов: Малодербетовский, Хошоутовский, Харахусо-Эрдениевский, Богацохуровский, Эркетеневский и Яндыковский и Икицохуровский (Максимов, 2002, стр. 197).

Улусы делились на владельческие и казенные. Первыми управляли нойоны – улусовладельцы, вторыми – правители, назначенные администрацией из зайсангов или нойонов, не имевших собственных улусов

По сословиям, калмыцкий народ разделялся на нойонов или владельцев, зайсангов, духовенство и простолюдинов. Нойоны или носили название «цаган-ясан» (белая кость), им были присвоены, по русским законам, права дворян. Зайсанги, называемые также «цаган-ясан», подчинены владельцам улусов и сами пользовались некоторыми правами владения над своими аймаками, которые, как и улусы, переходили безраздельно, по праву наследства к старшему в роде, и вследствие этого другие родственники аймачного зайсанга, хотя и считались тоже зайсангами, но безаймачными. Их статус мог быть приравнен к потомственным почетным гражданам и личным почетным гражданам соответственно. Простолюдины, называемые «хара-кюн» (черный человек) или «хара-ясан» (черная кость), вплоть до конца XIX века почти не имели ни каких личных прав и составляли податное сословие (Костенков, 1868, стр. 107).

Несмотря на то, что к середине XIX века Калмыцкая степь полностью утрачивает элементы административной автономии, калмыки, находясь наравне с прочими подданными под покровительством общих законов Российской империи, пользовались сверх этого особыми правами и управлялись на особом основании.

В процессе совместного проживания в одном пространстве и постоянных контактах, калмыцкое население начинает постепенно адаптироваться к культурным моделям оседлого и кочевого населения губернии. Это заставляет выходить калмыцкое население за привычные границы бытия, т.е. трансгрессировать. С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова, проведя анализ фуконианской трансгрессии в условиях фронтальной гетеротопии, классифицируют различные виды

трансгрессии (сексуальная, юридическая, алиментарная, вестиментарная, ксеноморфная, лингвистическая или лексическая, хозяйственная, эдификативная), которые можно встретить на фронтирном пространстве (Якушенков, Якушенкова, 2014, стр. 280).

Материалы работы центральных и местных правительственных комиссии второй половины XIX века по подготовке проектов реализации Александровских реформ для калмыцкого населения, в частности судебной реформы 1864 г. содержат достаточно большое количество ярких примеров культурного взаимодействия калмыков с оседлым населением. Обратимся к ряду из них.

Члены исследовательских экспедиций и комиссий, собиравшие статистические сведения о калмыцком народе, отмечали разницу наречий языка местного населения (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 54.). Калмыцкий язык постепенно менялся, трансформируясь в результате проникновения в него новых, заимствованных слов. Так в середине XIX века разные улусы разнились между собой как некоторыми грамматическими формами строения калмыцкой фразы, так и изменениями некоторых слов и словосочетаний. Например, дербеты овес называли «арба», а торгуты – «сули» (Костенков, 1868, стр. 113). Еще одним отличием являлось количество русских и татарских слов, употребляемых калмыцким населением.

Данный пример достаточно ярко свидетельствует о лингвистической или лексической трансгрессии, при которой субъект начинает в своей речи использовать лексику, не свойственную его языку. Русское и татарское население так же перенимает и начинает использовать в своем быту общении как отдельные слова, так и отдельные словосочетания, как правило это делалось с целью завоевать расположение и доверие калмыков, например при заключении торговой сделки: «давсн» – соль, «шалга» – коса для сенокосения (ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 36.).

Как свидетельствуют участники Кумо-Манычской экспедиции 1860-1861 гг., организованной русским правительством с целью сбора и систематизации знаний о калмыцком населении калмыки, как потомки монголов, сохранили «язык и письмена» монгольские, изменилось только наречие, что следует рассматривать как следствие смешения с другими племенами и народами. Находясь в частных сношениях с русскими, многие калмыки понимали русский язык и даже говорили довольно хорошо по-русски. Но примечательно то, что при встрече с должностными лицами из русских, а особенно при допросах в суде, они избегали говорить по-русски, ссылаясь на непонимание: «меткишъ, толмач уга» – не понимаю без переводчика. Эту фразу они употребляли и в случае, когда хотели избежать расспросов незнакомца, чужака. Однако, убедившись, что этот человек не представляет ни какой

опасности, с точки зрения ущемления имущественных или других интересов, калмык сам объяснял все отлично по-русски (ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35 об.).

Данный факт является достаточно ярки примером изменения культурной модели поведения калмыцкого населения. Научившись говорить по-русски, калмыки используют это знание в своих интересах. С одной стороны это облегчает их коммуникацию русским оседлым населением уездов в решении необходимых им вопросов, с другой это позволяет либо избегать ответственности, либо отсрочивать срок ее наступления, используя это время для урегулирования конфликта или сокрытия доказательств.

Основными видом преступлений в калмыцком обществе являлись мелкие кражи и кражи скота. При этом кража и гон скота в правосознании калмыка имели разное значение: «кража скота» – это уголовное наказуемое деяние, а «угон скота» – нет, это скорее удадь, геройство. Мы не будем подробно останавливаться на данном аспекте, так как он рассмотрен нами в другой публикации (Черник, 2016, стр. 38).

Как отмечает Костенков К.И. в своем труде «Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии» (1868) Верные своим обычаям, калмыки, не смотря на строгие меры и преследование правительства, не могли удержаться от вкоренившейся страсти к отгонам и грабежам скота, для пополнения убыли своих стад. Например, после больших потерь скота в суровые зимы 1830, 1831 и 1832 годов развилось страшное воровство, что вынудило астраханского военного губернатора В.Г. Пяткина командировать в 1834 году в улусы состоявшего при нем для особых поручений ротмистра Иванова с командой 100 казаков для прекращения грабежей (Костенков, 1868, стр. 113). Зимой 1859-1860 гг. для восполнения своих потерь калмыки Эркетеневского улуса, кочуя близ границы Ставропольской губернии, ограбили туркмен и татар, угнав у них огромные стада баранов. После чего для сокрытия своего преступления они поспешили отправиться на летние пастбища, но морозы и метели заставили их вернуться. Обвиненным в краже бандитам удавалась долго скрываться от улусной полиции.

Несмотря на то, что Зарго имели право решать судебные дела по обычаям (большинство из которых было утрачено), по преимуществу они пользовались нормами российского законодательства, более знакомого населению, чем правила Судебника – Цааджин-Бичин, изданного в 1640 г. съездом калмыцких тайши в Сибири. При разборе дел об имущественных спорах и обидах улусные Зарго должны были стремиться к их завершению мирным способом. Если стороны не шли на примирение, имущественные тяжбы между калмыками разбирали и

решали по древнему калмыцкому праву, а дела о проступках и спорах с посторонними лицами – по правилам для судебных мест первой инстанции (по российским законам). Как было выше сказано, калмыки при допросах в суде всегда ссылались на незнание русского языка, а ведь именно русский язык был введен в качестве официального и обязательного языка делопроизводства. Не достаточная укомплектованность штатного состава астраханских судов, в юрисдикцию которых постепенно переходит рассмотрение части уголовных и гражданских дел, и так же улусных управлений переводчиками калмыцкого языка и толмачами, вызванная недостатком финансовых средств (эти деньги выделялись из сумм налогов, которые собирались с калмыцкого населения), позволяла калмыкам затягивать дела, использовать подлог и фальсификацию доказательств. Дела рассматривались годами, и только 1/20 часть преступлений подвергалась наказаниям (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 51). В ходе следствия и слушания дел калмыки понимали все, что происходит, но при этом могли использовать свое знание для ссылки на отсутствие понимания вопросов судей и требовали переводчика или толмача, а его отсутствие служило поводом для переноса слушания.

Отчасти данный пример можно отнести юридической трансгрессии, калмыками использовалась правовая модель русской культуры в решении судебных дел. В частности, калмык мог сослаться на незнание русского языка и попросить переводчика, зная о том, что он имеет на это право в случае незнания официального языка судопроизводства. Происходит переход от одной культурной модели, основанной на обычном праве, к модели культуры, которая оперирует понятиями юридического права (Якушенков, Якушенкова, 2014, стр. 281).

Еще об одном виде трансгрессии, который встречался в Калмыцкой степи, в частности о эдификативной трансгрессии - подражание или использование строительных моделей Чужого для своих нужд, свидетельствуют материалы судебных дел, а так же материалы трудов Главного попечителя калмыцкого народа полковника Костенкова К.И.

Например, довольно часто встречается упоминание конфликтов между местным населением в северной части калмыцких степей и оседлым населением Черногоярского уезда. За допущение калмыков на зиму в свои займищные дачи, крестьяне, согласно Высочайшему повелению 1806 г., имели право пользоваться во время разлива р. Волги, калмыцкой степью на расстоянии 10-15 верст от берега. Как правило, крестьяне злоупотребляли этим правом: заходили далеко в степь, распахивали ее, пасли здесь скот и строили хутора. Калмыки в ответ на это крали их скот и отбирали хутора. Все это порождало

постоянные столкновения, жалобы и судебные разбирательства. Однако это своеволие крестьян было полезно для калмыков, так как они по примеру русских стали устраивать землянки, поддерживать и строить колодца (Костенков, 1868, стр. 94).

Трансгрессия на территории фронта мы можем рассматривать как способ адаптации к новым условиям существования. Прикочевав в волжские степи калмыцкий народ, волился в достаточно сложный и хронологически продолжительный процесс формирования поликультурной среды Астраханской губернии. Заселение данной территории происходит постепенно, пусть даже и под надзором русских властей, сюда приходят новые этносы, которые сталкиваются с совершенно чуждым для них культурным ландшафтом, который еще находится в стадии формирования. Трансгрессируют здесь не только калмыки, но и русские, татары, туркмены, киргиз-кайсаки (казахи) Букеевской орды (Ермуханова, 2016, стр.2). Результатом межкультурного взаимодействия калмыков с оседлым и кочевым населением Астраханской губернии стало изменение их кочевого и патриархального родового быта, они адаптируются к новым культурным моделям, многие из которых успешно начинают практиковать в своем быту.

Список литературы

ГААО (*Государственный архив Астраханской области*) Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 36.

ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 505. Л. 35 об.

Ермуханова, Н.А. (2016). Трансгрессия казахов Букеевской орды на территории Нижневолжского фронта. *Научный журнал КубГАУ*, № 124, стр.1-13.

Команджаев, А.Н. (2010). Законодательство калмыцкого кочевого общества XVIII-XIX вв. в системе российского права. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, №.2, стр. 166-171.

Костенков, К.И.,(1868). *Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии*. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп.162 с.

Максимов, К.Н., (2002) *Калмыкия в национальной политики, системе власти и управления России (XVII в. – XX в.)*. М.: Наука. 524 с.

Мацакова, Н.П. (2008). Проекты Главного попечителя калмыцкого народа К.И. Костенкова о преобразовании общественного строя калмыков. *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, № 1, стр. 158-165.

РГИА (*Российский государственный исторический архив.*) Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7541. Л. 1об., 51,54.

Фронтир как эвристическая модель историко–культурного познания. Материалы круглого стола. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. №4 , стр.304-314.

Черник, М.В. (2016) Интеграция калмыков в правовую систему Российской империи в конце XVII- первой половине XIX вв. *Журнал Фронтирных Исследований*, № 4, стр. 33-43.

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2014) Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, №3, стр. 276-284.

TRANSGRESSION OF KALMYKS OF THE ASTRAKHAN PROVINCE IN THE LOWER VOLGA FRONTIER

Chernik M.V.

Chernik Maria Vladimirovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E – mail: chernik-max@mail.ru

Article is devoted to a problem of transgression of kalmyks of the Astrakhan province in the territory of the Lower Volga frontier. Transgression in the territory of the frontier is considered by the author as a way of adaptation to new living conditions.

Wandering in the Lower Volga steppes, kalmyks were involved in rather difficult and chronologically long process of formation of the polycultural environment of the Astrakhan province. Settling of edge happens under the supervision of the Russian government seeking to fix these territories. Suburban position of the province, leaves a certain mark on the structure of the population: it both dissenters, and the Cossack population, and inhabitants who were turned out here central provinces of the Russian Empire, and the kyrgyz-kaysaki (kazakhs) of the Bukeevsky horde, and also other numerous ethnoses. In the course of cohabitation in one space and continuous contacts, the model of the world of the Kalmyk begins to change gradually. Its conduct of life changes, traditional ways of managing change, language changes. All this forces to overstep the Kalmyk population the habitual bounds of life. Nomadic patriarchal patrimonial life of the Kalmyk people gradually collapses, as a result of interaction with the Russian, Tatar, Turkmen population, kalmyks adapt to new cultural models, many of which successfully begin to practice in everyday life.

The author, leaning on archival and ethnographic material, gives the examples of manifestation of different types of transgression in the environment of the Kalmyk population which were a consequence of close cross-cultural interaction of the settled and nomadic population of the Astrakhan province.

Keywords: Astrakhan province, nomadic people, kalmyks, cross-cultural interaction, Lower Volga frontier, transgression, legal proceedings.

References:

GAAO (State Archives of the Astrakhan region). F. 1. Оп. 11. 505. L. 36.

GAAO. T. 1. Оп. 11. 505. L. 35.

Ermukhanova, N.A. (2016). The transgression of Kazakhs of Bukey horde on the territory of Lower Volga frontier. Scientific magazine of KUBGAU, №. 124, p. 1-13.

Komandzhayev, A.N. (2010). The legislation of the Kalmyk nomadic society of the 18-19th centuries in the system of Russian law. Messenger Prikaspiya: archeology, history, ethnology, №.2, p. 166-171.

Kostenkov, K.I., (1868). Statistical and economic description of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province. SPb.: V. Bezobrazov's printing house and Computer. 162 p.

Maximov, K.N., (2002) Kalmykia in national policy, the system of the power and management of Russia (17th century – 20th century). M.: Science. 524 p.

Matsakova, N.P. (2008). Projects of the Main trustee of the Kalmyk people K.I. Kostenkov about transformation of a social order of Kalmyks. Messenger Prikaspiya: archeology, history, ethnology, No. 1, p. 158-165.

RGIA (Russian Public historical Records Office.) T. 1405. Оп. 63. 7541. L. 1 ob., 51,54.

Frontier as heuristic model of historical and cultural knowledge. Materials of a round table. Caspian region: policy, economy, culture. 2014. №. 4, p. 304-314.

Bilberries, M.V. (2016) Integration of Kalmyks into the legal system of the Russian Empire at the end of XVII-to the first half of the 19th centuries. Journal of Frontier Studies, №. 4, p. 33-43.

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.C. (2014) Transgression in conditions the heterotopykh of spaces of the frontier. Caspian region: policy, economy, culture, №. 3, p. 276-284.

МОЛОКАНЕ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Канатьева Н.С.

Канатьева Наталья Сергеевна, доцент, кандидат биологических наук, доцент кафедры культурологии, Астраханский государственный университет, Астрахань, e-mail: nussy71@list.ru

В статье рассказано о появлении и распространении секты, или, точнее, конфессиональной группы молокан в Астраханской губернии. Молоканские поселения распространены во многих странах мира, в России молоканство традиционно локализовано на Юге, в Ростовской, Ставропольской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. В Астраханской губернии молокане появились в конце XVIII века, привлечённые положительным отзывом об этой территории основателя секты С.М. Уклеина. Молокане считаются первыми сектантами в губернии, кроме того, они были самой массовой сектой в регионе. С конца 1840-х годов в губернии осуществлялось противодействие секте молокан, силами вначале священников-благочинных, а затем членами специально созданного православного миссионерского Кирилло-Мефодиевского братства.

Ключевые слова: молокане, секта, Астраханская губерния, внутренняя миссия, православное Кирилло-Мефодиевское братство.

Молокан часто называют представителями стихийного русского народного протестантизма. Костомаров считал, что молоканство появилось в результате «развития в русском народе рациональных умствований» (Костомаров, 1869, стр. 57). Однако считать молоканство разновидностью рационального (в отличие от мистического, духоборства и хлыстовства) сектантства было бы, на наш взгляд, ошибочным. Всё же определение «конфессиональная группа» более соответствует и сущности, и масштабам молоканства как в России, так и за рубежом.

Молоканские колонии и поселения существуют в Америке, Азербайджане, Армении, Казахстане, Мексике, Украине и Грузии. Возможно, молоканство сохранилось в Турции, несмотря на репатриацию на Ставропольщину в середине XX века. Что же касается российской территории, то молоканские поселения сохранились практически по всему Югу России – в Ростовской, Ставропольской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Кроме того, в Воронежской и Тамбовской областях и поныне существуют молоканские кладбища (данные о существующих общинах недостоверны).

История астраханских молокан началась в конце XVIII века. По мнению о. И. Саввинского, летописца Астраханско-Енотаевской

епархии, они были первыми сектантами в губернии. Почему они вообще появились здесь: основатель молоканства, уроженец Тамбовской губернии Семён Матвеевич Уклеин, побывавший в Астраханской губернии в рамках своего путешествия по Югу России в 70-х годах XVIII века, «самыми привлекательными красками описывал молоканам астраханский край, особенно местности, орошаемые р. Ахтубой, и советовал переселяться сюда для безмятежного жительства. Молокане последовали его совету, и с этого времени молоканские поселения по Ахтубе стали считаться для них обетованной землей, куда стремились они усиленно и впоследствии» (Саввинский, 2002, стр. 253).

Саввинский считал центром молоканства село Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии (ныне это Волгоградская область), население его в XVIII веке составляли «казаки и беглые люди разных губерний» (стр. 253), среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна.

К концу XVIII века молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноморском уезде губернии и в самой Астрахани.

Существуют архивные данные, в частности, донесение астраханского губернатора (в источнике не указано имя, но, по-видимому, это Тенишев Д.В., бывший губернатором в 1802-1897 гг) (Виртуальная архивная выставка «Астраханские губернаторы», 2011) министру внутренних дел о том, что молоканство в Астраханской губернии было распространено задолго до официального признания проблемы в конце 90-х гг XVIII в, как минимум в трёх селах – Солодниках, Светлом Яру и Вязовке. Кроме того, молокане были в Черноморском уезде и в самом губернском городе Астрахани.

Первыми астраханскими сектантами оказались не крестьяне и ловцы, а мастеровые и отставные солдаты. В Астрахани известны были кузнец Василий Старов и садовник Соколов. Миссионеры вынуждены были признать, что тайное распространение молоканства в губернии поначалу было совершенно не замечено консисторией, вплоть до 1787 года, когда главнокомандующий Кавказской губернией П. Потёмкин отправил к владыке Астраханскому Никифору (Феотоки) «на увещание» каптенармуса пехотного полка Викторова, оказавшегося тайным молоканином.

В царствование Александра II, в 1830-х годах, начинается новый этап борьбы Русской православной церкви с раскольниками и сектантами.

Указом от 12 мая 1837 года император Александр II предписал епархиальным архиереям, чтобы они «тщательно пользовались всеми возможными случаями вступать в сношения с уклонившимися от церкви и посеять между ними понятия и чувства, которые бы сближали

их с церковью», для чего было признано необходимым «без гласного обнародования отменить повеление духовным властям избегать встречи с раскольниками», а главное – образовать «особый класс миссионеров» (Саввинский, 2002, стр. 398).

Вначале, за неимением в Астраханской епархии особых миссионеров и «по весьма малому числу ученых священников в селениях» (стр. 398), обращение было возложено на местных благочинных. В конце 1840-х годов протоиерей И. Покровский положил начало миссионерским проповедям среди молокан села Пришиб Царевского уезда Астраханской губернии. В 1849 году в село Михайловское Астраханского уезда, где также было замечено появление молоканства, были специально откомандированы члены Астраханской Духовной консистории протоиерей Ливанов и священник Розанов. Миссионеры не ограничивались проповедями. Например, в селе Пришиб протоиерей Покровский добился сноса молитвенного дома молокан, а в селе Михайловка аналогичный молитвенный дом был отобран, и, с назначением к нему особого причта, стал постоянным местом миссионерских проповедей и бесед.

Но лишь в 1869 году, при архиерее Астраханском и Енотаевском Феофане (Лебедеве), было положено начало организации постоянной «противосектантской и противораскольничьей» миссии. В 1873 году, по представлению астраханского губернатора, была построена походная православная церковь с особым при ней причтом для степных жителей Царевского уезда, в противодействие усилившегося в этой местности молоканства. В этом же году, 7 октября, при Царевском соборе, с целью ослабления молоканства и предохранения от соращения в эту секту православных, было учреждено Свято-Троицкое братство, устав которого утвердил Феофан ранее, в мае 1873 года. Главными задачами Братства являлись активные действия против молокан в виде церковных проповедей, публичных собеседований, распространения книг и брошюр противосектантского содержания, учреждением церковно-приходских школ, где уделялось бы особенное внимание опровержению молоканства при изучении Закона Божия. Немаловажным делом считалось также покровительство обращающимся из молоканства в православие и устройство для «малолетних обращенцев» приюта в г. Царев.

В 1877 г. при Астраханской епархии была учреждена должность особого «противомолоканского миссионера» (бесприходного) с назначением ему специального жалования, довольно большого (1830 руб. из епархиальных сумм, выдававшихся причтам в молоканских селах, и 429 руб. из сумм упраздненного Спасского монастыря) (Саввинский, 2002, стр. 401).

Все эти данные говорят нам о том, что именно молоканство, а не старообрядчество и хлыстовство, стало основной проблемой для православных миссионеров в Астраханской губернии в XIX в..

По словам Саввинского, с 1811 года «молокане открыто выступили с пропагандой своего лжеучения» (стр. 391). Увеличилось количество сёл, в которых появились сектанты: Верхне-Погромное, Сасыколи, Селитренное, Каменный Яр, Солодники, Светлый Яр. Даже по неполным миссионерским данным, молокане составляли четвертую часть населения.

К концу XIX в. Царевском уезде, наиболее заселенном молоканами, насчитывалось, по официальным данным, более семи тысяч сектантов, а общее число молокан в Астраханской губернии подходило к восьми тысячам.

Список литературы

Виртуальная архивная выставка «Астраханские губернаторы». (2011). *Агентство по делам архивов Астраханской области*. Retrieved from <https://archive.astrobl.ru/special/node/473>.

Костомаров, Н. И. (1869). Воспоминания о молоканах. *Отечественные записки*, 3, стр. 57-78.

Саввинский, И. (2002). *Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг.* Ростов н/Д: Изд-во «Фолиант».

MOLOKAN SETTLEMENTS OF THE XIX CENTURY IN THE ASTRAKHAN PROVINCE

Kanateva N.S.

Kanateva Natalya Sergeevna, Associate Professor, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of Cultural Studies, Astrakhan State University, Astrakhan, e-mail: nesy71@list.ru

The article tells about the appearance and distribution of the sect, or, more precisely, the confessional group of Molokans in the Astrakhan province. Molokan settlements are widespread in many countries of the world, in Russia Molokanism is traditionally localized in the South, in the Rostov, Stavropol, Saratov, Volgograd and Astrakhan regions. In the Astrakhan province, the Molokans appeared at the end of the XVIII century, attracted by a positive response about this territory of the founder of the sect, S.M. The glue. Molokans are considered the first sectarians in the province, in addition, they were the most mass sect in the region. Since the end of the 1840s, the province was opposed to the Molokan sect, initially by priests, deaneries, and then by members of the specially created Orthodox missionary Kirillo-Methodius brotherhood.

Key words: Molokans, sect, Astrakhan province, internal mission, Orthodox Cyril and Methodius brotherhood.

References

Virtual archival exhibition «Astrakhan governors». (2011). *Agency for Archives of the Astrakhan Region*. Retrieved from <https://archive.astrobl.ru/special/node/473>.

Kostomarov, N.I. (1869). Memories of Molokans. *Domestic notes*, 3, pp. 57-78.

Savvinsky, I. (2002). *Essays on the history of the Astrakhan diocese from 1602 to 1902*. Rostov n / a: Publishing house «Foliant».

ЖЕНЩИНА НА НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ

Расина Э.О.

Расина Эвелина Османовна, студентка 2 курса магистратуры,
Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а.

Статья посвящена исследованию гендерной стороны фронтальной теории в рамках культурных контактов на Нижнем Поволжье в XIX веке. Фронт - это территория, на которой происходит постоянное взаимодействие культурных систем, которые непрерывно изменяются, влияют друг на друга и ассимилируют. Такая среда приводит к формированию нового человека, обладающего характерными чертами: особым поведением, мировоззрением, внешним видом. Влиянию суровых условий фронта подвергается не только мужское, но и женское население. Культурные элементы женского мира трансформируются под воздействием интенсивного полинационального взаимодействия. Подобные изменения способствуют возникновению уникальных ролей, которые женщина выполняет, активно взаимодействуя с окружающей ее культурной средой. Нижнее Поволжье, как поликультурная и поликонфессиональная территория, является одним из примеров формирования фронтальных ролей женщин, которые проявляются в разных сферах: образовании, экономике, религии и ведут к изменениям культурных основ населения. Рассмотрение подобных явлений в спектре фронтальной теории позволяет выделить основные роли, которые выполняла женщина в среде интенсивного культурного взаимодействия, а также выявить основные факторы, влияющие на формирование этих ролей в Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: фронт, Нижнее Поволжье, культурный диалог, Астрахань.

В конце XIX века в научной среде стал уверенно распространяться новый исторический термин – фронт. Впервые эту научную категорию использовал американский историк Фредерик Джексон Тернер в своем докладе для Американской исторической ассоциации «Значение фронта в Американской истории» (Тёрнер, 2009, стр. 29). Этот термин был употреблен в рамках осмысления процессов, которые происходили на территории интенсивной колонизации центра Северной Америки, и мыслился как условная территория между поселениями колонизаторов и местностью, населенной коренными жителями. Данная теория разрасталась и переосмысливалась в последующее столетие, видоизменяясь, приобретая новые черты и теряя прежние. В рамках постколониальной исторической парадигмы осмысление фронта как столкновения цивилизации и дикости подвергается серьезной критике.

Теперь фронтир приобретает черты территории, на которой происходит интенсивное взаимодействие отличающихся друг от друга культурных систем, которые могут находиться на разном общественном уровне, но при этом являются равноправными участниками культурного диалога. В начале шестидесятых годов XX века на фронтирную теорию обратили свое внимание отечественные историки, пытаясь применить ее на подобные пространства нашей родины. (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр. 110)

Нижнее Поволжье также может занять свое место в числе территорий, на которых происходили интенсивные культурные взаимодействия. После присоединения к Московскому государству Казанского ханства в середине XVI века, Иван Грозный принимает меры по укреплению южных границ. В 1556 году он присоединяет к государству земли Астраханского ханства. Во главе территории стал московский воевода-наместник. Для осуществления контроля на Нижнем Поволжье сооружались крепости и вводились гарнизоны, так как обстановка в регионе оставалась нестабильной. Также была организована новая стража территорий – стрельцы и казаки. Данные события позволяют соотнести ситуацию, происходящую в Нижнем Поволжье, с периодом фронта в Северной Америке, который характеризовался строительством фортов и военным контролем территорий (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр.112).

Однако большая часть земель все же оставалась незаселенной и находилась под контролем ногайских орд. Местное население, состоящее из ногайцев, селилось у крепостных стен Астрахани. Первым и основным населением крепости были донские казаки и русские стрельцы. В низовьях Волги появляются первые поселения русских переселенцев.

В этот период юг российского государства начинает привлекать иностранных купцов со всего мира. В Астрахань на берега Волги начинают прибывать армяне, персы, индийцы, бухарцы и хивинцы. Московское государство всячески поощряло торговлю с восточными странами и предоставляла большое количество привилегий и льгот представителям иностранного купечества. В Астрахани строятся торговые подворья персов, армян и индийцев.

В первой половине XVII века в Нижнем Поволжье появляются калмыки, потомки монголов-ойратов, кочевавшие на территории Западной Монголии. Они вели кочевой образ жизни и местом своих кочевий избрали степи к западу от Астрахани. А в XVIII веке происходит новая волна русской миграции, появляются поселения астраханских казаков, украинцев, средневожских, или волго-уральских татар-переселенцев (казанских и мишарских). Следующими переселенцами стали кундровские татары(карагаши), которые

перекочевали в Нижнее Поволжье с Северного Кавказа и приняли русское подданство. В XVIII веке на территории Нижнего Поволжья появились казахи, в последствии была образована Внутренняя орда под покровительством Российской империи. (Сызранов, 2008, стр.21)

Таким образом, в XIX веке Нижнее Поволжье представляло собой многонациональную территорию, на которой происходили интенсивные культурные взаимодействия. Вековые диалоги между представителями разных культурных единиц формировали в данной местности уникальные явления, характеризующиеся многообразием языковых и поведенческих форм, вестиментарных и алиментарных характеристик. Такие условия позволяют формироваться новому виду личности – представителю фронтирных территорий. В данной статье нас интересует гендерный аспект данного феномена, а именно роль женщины в среде интенсивных культурных взаимодействий на территории Нижнего Поволжья.

Фронтирная территория способствует формированию особого положения женского населения, а также придает им особые культурные черты, которые проявляются как в поведении, так и во внешнем виде.

В Нижнем Поволжье, как и в Северной Америке женщина в рамках фронтирных территорий имела ряд ролей. (Якушенкова, 2012, стр.72) Прежде всего, стоит обратить внимание на культурную трансляцию, которую постоянно осуществляла женщина на данной территории. Русские стрельцы и казаки часто брали в жены представительниц других национальностей. Существуют свидетельства браков калмычек с казаками, в последствии которых женщина принимала другую веру, но при этом не отказывалась от своих культурных основ, сохраняя народные элементы одежды, кулинарные составляющие и обычаи. (Эрдниев, 1985, стр.28) В случае же с русскими женщинами утверждается, что они не вступали в брак с калмыками и свидетельств подобных случаев нет. В.И. Немирович-Данченко в своих путевых записках утверждает, что на пристанях и промыслах нет ни одного женского русского лица, только астраханские казачки, которые выделялись характерными чертами внешности, приобретенной от родителей разных этнических групп. (стр.36) Также существуют практики смешанных браков и среди восточного купечества. Индийцы, персы и армяне нередко заключали браки с татарками, что в последствии дало начало новым субэтносам: агрыжанские и гилянские татары. (Уразманов, Чешко, 2001, стр.23)

Кроме этого в начале XIX века произошло массовое переселение беглых крестьян из Воронежской, Московской, Вятской, Тамбовской и других губерний в низовья Волги. Они создавали семьи на новых территориях, строили дома и обзаводились хозяйством. Женами переселенцев зачастую становились представительницы других народов.

Примером может служить село Ракуша, которое находится недалеко от Астрахани. Женами переселенцев в этом населенном пункте становились калмычки, они принимали христианство, венчались в Чурнинском монастыре, но их костюм не менялся, после замужества женщины надевали не сарафан или поневу, а свою национальную одежду. (Харузин, 1888, стр.112)

Еще одним результатом культурного взаимодействия стало появления этнической группы «томутов» («тагмуты», «томгуты»), которая образовалась от браков казахов (киргизов) и калмычек, и калмыков с казашками. При этом казахи перенимали обычай носить калмыцкие шапки с кистями. В результате дальнейшего культурного диалога этот субэтнос ассимилировал в среде калмыков и ногайцев-утар. (Викторин, 2009, стр. 2)

Таким образом, женщина, приходя в новую семью приносила с собой элементы своей национальной культуры, распространяя ее не только на членов своей новой семьи, но и на другие семьи. Такая трансляция происходила зачастую именно между женщинами, которые легко воспринимали новые культурные формы и распространяли их на свое окружение. Такую трансляцию культурных элементов лучше всего можно наблюдать в изменениях вестиментарной культуры женщин. Во внешнем виде астраханских женщин смешивались традиционные костюмы всех ближайших губерний. Кроме этого, на «моду» оказывало влияние и многонациональное, многокультурное окружение женщины, которая активно воспринимала все новые веянья. Так жены персидских и индийских купцов распространили в Астрахани «моду» на яркие костюмы из шелка, бархата и батика с присутствием большого количества украшений из золота и серебра. В начале XX века традиционный народный костюм стал исчезать из гардеробов местных жительниц. На смену ему пришли немецкие платья, присущие городской моде среднего сословия, мещанок и купчих. (Уразманов, Чешко, 2001, стр. 28)

Женщины, работающие на промыслах, распространили «моду» на просторные штаны и рубахи, которую переняли из мужского костюма (Немирович-Данченко, 1903, стр.65). Основной причиной появления такого переходного элемента была практичность. В таком костюме было очень удобно работать на баржах. Но женщины выполняя роль транслятора распространили этот культурный элемент и на других женщин, которые находили такой вид костюма весьма удобным в повседневной жизни. Кроме этого, женщины переняли и другой элемент вестиментарной культуры, который отличался практичностью. Тесные связи с татарским населением сказались на способе ношения платка, его стали подвязывать по-татарски, делая узел не под подбородком, а сзади, чуть ниже затылка. Такой способ завязывания головного убора был

гораздо удобнее прежнего и быстро распространился среди женщин Южной губернии.

Стоит также отметить, что культурная трансляция происходила не только в отношении элементов внешнего вида, но и в сфере женского поведения и в частности самосознания женщины (Ермуханова, 2013, стр. 258).

В XIX веке в казахском обществе сохранился обычай договора родителей о замужестве детей, чаще всего этот договор заключался, когда дети находились еще в младенчестве. Н.Н. Малышев в своих работах по изучению обычного права казахского населения указывает на большое количество случаев сопротивления женщин традиционным обычаям казахов, которые ограничивают свободу женщины. В частности, это проявляется в отказе от принудительных браков. Примером может служить обращение Умут Умурзаковой к губернатору Астрахани, которую в десятилетнем возрасте посватали за незнакомого ей мужчину и в пятнадцатилетнем возрасте выдали замуж. Таким образом, женщина выступала своеобразным транслятором культурных форм, которые проявлялись на более глубоком уровне жизни. Культурное взаимодействие способствует возникновению мировосприятия в национальных мусульманских семьях, в которых процветали патриархальные традиции (2012, стр. 56).

Постепенное прогрессивное продвижение общества на пути преобразований вовлекало женщину в общественный и образовательный процесс. Следуя моде женщины в Астраханской губернии также создавали клубы и кружки, которые занимались благотворительностью в сфере образования и здравоохранения. В частности, их деятельность заключалась в помощи сиротам, нуждающимся, а также в распространении образования, в большей мере женского. Ярким примером является Надежда Степановна Шавердова, по инициативе которой была открыта в 1895 году женская гимназия Частное Женское Учебное Заведение I разряда. Она начала свою педагогическую деятельность в 70-е годы в Астраханской Мариинской гимназии. Надежда Степановна обратилась к попечителю Казанского учебного округа с просьбой о разрешении открыть в Астрахани частную женскую гимназию с программой Министерства Народного Просвещения

Среди женщин-преподавателей можно также отметить Александру Ивановну Иванову, Александру Петровну Валовскую, которые преподавали в Астраханском женском епархиальном училище. Дворянка Ольга Петровна Остроумова после долгой педагогической практики заняла должность наставницы Яндыко-Мочажной улусной школы, где обучались представители калмыцкого населения. Таким образом, женщины активно распространяли образование на территории Нижнего Поволжья.

Очень важным вопрос об образовании был в среде мусульманского населения, в частности женского. Во второй половине XIX века в городе функционировало около восьми начальных школ для мусульманских девочек. Представители богатых татарских семей Адельшиновых, Эрембетовых, Нугаевых часто нанимали русских учительниц для обучения своих детей в стенах дома, что способствовало распространению женского влияния на изменение культурных основ национального населения.

Заметный след в истории благотворительности Нижнего Поволжья оставила жена губернатора Тевяшова Ульяна Алексеевна. В 1892 году она встала во главе первой в Астрахани общины сестер милосердия. В сфере здравоохранения и образования большую роль сыграла тульский доктор Мария Михайловна Холевинская. Она была сослана в Астрахань за распространение политической литературы (Карнаухова, 2009, стр.3). На ее плечи легла очень сложная задача. Почти четверть века Мария Холевинская будет заведовать астраханской лабораторией. Санитарная охрана в Астраханской губернии имела многочисленный ряд проблем. Губерния часто становилась очагом инфекционных заболеваний: чумы, холеры, тифа. Кроме работы в лаборатории, Мария Михайловна сыграла большую роль в распространении медицины для мусульманских женщин. В частях города где большую часть населения составляли мусульмане (5 и 6 участки) фактически отсутствовала организованная медицинская помощь. Местные жители испытывали страх перед необходимостью обращаться к русскому доктору. Основная проблема заключалась в отсутствии женщины-врача для мусульманок. (Имашева, 2014, стр. 25)

Мария Михайловна заняла пост заведующей амбулаторией 6 участка. Она сыграла большую роль в распространении медицинской помощи на мусульманское население города.

Активная общественная деятельность астраханских женщин оказала свое влияние и на представительниц других национальностей. Мусульманки Астраханской губернии начинают делать первые шаги в сфере общественной деятельности. В конце XIX века на базе Попечительства о бедных мусульманах, развернулась разработка благотворительных проектов жен учредителей организации. (Имашева, 2014, стр. 24)

Значительное влияние на развитие общественной жизни в Нижнем Поволжье оказывали ссыльные женщины, которые также обладали характерными формами поведения и выступали трансляторами культурных особенностей. Таким образом, попадая в ссылку на фронтирную территорию, они вступали в активный культурный диалог с новым миром и становились неотъемлемой частью этого взаимодействия. В период с 1899-1907 гг. в Астраханской губернии

официально проживало более 30 ссыльных женщин ежегодно. Среди таких женщин можно назвать Рудину А.М., Доброхотову С.И., Каптырева В.И., Розенфельд М. И. (Карнаухова, 2009, стр.5)

Значительную роль женщина на Нижнем Поволжье сыграла в миссионерской деятельности. В частности, в распространении христианства среди многонационального населения берегов Волги. Так в глухой калмыцкой степи, где проживали в основном буддисты, сектанты и раскольники по прошению послушницы Астраханского городского Благовещенского женского монастыря Ксении Осодоровны Полиевктовой был открыт Воскрксенско-Мироносицкий женский монастырь, что способствовало формированию на этой территории сильного православного культурного центра. Кроме этого, монастырь открывал школы и приюты, что влекло за собой вовлечение калмыцкого населения в образовательный процесс. (Пальмов, 1910, стр.7)

Также следует отметить еще одну функциональную особенность женщины на Нижневолжском фронтире. Она, как и женщина Американского фронта, была вовлечена в процесс гендерной трансформации. (Якушенкова, 2009, стр. 34) Дело в том, что фронтирная территория создает весьма суровые условия для жизни, в частности жизни женщины. Сложные жизненные условия обусловили вовлечение женщины на Нижнем Поволжье в промысловую деятельность. Путешественник В.И. Немирович-Данченко в своих очерках описывает женский труд на рыбных промыслах. Он отмечает своеобразный не характерный для женщины внешний вид и манеру поведения. Они выполняли различные работы: укладывали рыбу на баржах, солили ее в специальных помещениях, исправляли уды во время ловли рыбы, и даже тянули снасти. Таким образом, можно заметить трансформацию гендерных ролей, которая была вызвана особыми условиями, продиктованными фронтиром. Происходило формирование нового образа женщины, обладающей сильным характером, способной отстаивать свои права и обеспечивать себе хлеб и кров. Кроме этого, женщины-казачки также были вынуждены выполнять обязанности мужчин в своих семьях, так как мужчины были заняты военными делами и таким образом, происходит изменение ее гендерной роли. Женщины же могли сами чинить окна, зарабатывать хлеб и вести хозяйство. Все эти факторы формируют новый образ женщины – своенравной и свободной, способной дать отпор невзгодам. (Немирович-Данченко, 1903, стр.64)

Таким образом женщина на Нижнем Поволжье играла значительную роль во взаимодействии разных культур. Можно выделить ряд основных функций (ролей) женщины в XIX веке на Южном фронтире: трансляционная, миссионерская, экономическая, общественно-политическая. Фронтирная территория создает особые

характерные условия для жизни человека, что способствует появлению различных женских ролей, которые способствуют формированию их характера, мировоззрения. Женщины активно вступают в культурные диалоги передавая и заимствуя культурные формы, способствуют распространению образования, медицины и православия. Кроме этого, женщина вступает в экономическую жизнь региона. Вовлечение их в промышленную деятельность, способствует благоприятному развитию Нижнего Поволжья.

Список литературы

Немирович-Данченко, В.И. (1903). *У голубого моря. По Волге (очерки и впечатления летней поездки)*. Санкт-Петербург: Издание П.П. Сойкина. 172 с.

Викторин, В.М. (2009). *Этноконфессиональные связи тюркских народов с калмыками в Нижнем Поволжье и Предкавказье*. (Материалы научно-практической интернет-конференции «Проблемы межкультурной коммуникации: история и современность»). Астрахань. (<http://topinworld.ru/etnokonfessionalnyie-svyazi-tyurkskih.html>)

Ермуханова, Н.А. (2013). *Влияние культурных процессов нижеволжского фронта на положение казахской женщины*. Каспийский регион: политика, экономика, культура. (№ 4) Астрахань. Стр. 256-262.

Имашева, М.М. (2014). *Женщина-мусульманка и общественное движение в Астрахани в начале XX века*. (Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4) Волгоград. Стр. 23-29.

Карнаухова, Г.Г. (2009). *Женщина провинциального города на примере Астрахани (в конце XIX - начале XX вв.)*. Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова. (Вып. I.) Астрахань. (<https://shamardanov.wordpress.com/2009/10/15>)

Малышев, Н. (2012). *Обычное семейное право киргизов*. Москва: Книга по Требованию. 104 с.

Пальмов, Н. (1910). *Воскресенско-Мироносицкий женский монастырь в Астраханской губернии краткое историческое описание*. Киев: Типография Киево-Печерской успенской лавры. 126 с.

Сызранов, А.В. (2008). *Этносы и этнические группы Астраханской области*. Справочное пособие. Астрахань: ОМЦ НК. 72 с.

Тёрнер, Ф.Дж. (2009). *Фронт в американской истории*. Пер. с англ. А. И. Петренко. Москва: Весь Мир. 304 с.

Уразманова, Р.К. & Чешко, С.В. (2001). *Татары*. Москва: «Наука». 583 с.

Харузин, А. Н. (1888). *Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из записной книги*. Москва. 235 с.

Эрдниева, У.Э. (1985). *Калмыки: Историко-этнографические очерки*. (3-е изд., перераб. и доп.) Элиста: Калм. кн. изд-во. 282 с.

Якушенков, С.Н. & Якушенкова, О.С. (2010). *Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика, культура*. (№ 1) Астрахань. Стр. 109-115.

Якушенкова, О.С. (2009). *Роль женщин в трансляции культуры на американском фронте*. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8. Волгоград. Стр. 33-37.

Якушенкова, О.С. (2012). *Женщина на американском фронте*. Астрахань: АГУ. 215 с.

WOMAN AT THE FRONTIER OF THE LOWER VOLGA REGION

Racina E.O.

Rasina Evelina Osmanovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, ul. Tatishchev, 20a.

The article is devoted to the study of the gender aspect of the frontier theory within the framework of cultural contacts in the Lower Volga region in the XIX century. Frontier is a territory on which there is a constant interaction of cultural systems that continuously change, influence each other and assimilate. Such an environment leads to the formation of a new person with characteristic features: special behavior, outlook, appearance. The influence of the severe conditions of the frontier is not only exerted on the male, but also on the female population. Cultural elements of the female world are transformed under the influence of intensive poly-national interaction. Such changes contribute to the emergence of unique roles that a woman performs, actively interacting with her surrounding cultural environment. The lower Volga region, as a multicultural and polyconfessional territory, is one of the examples of the formation of women's frontier roles, which manifest themselves in different spheres: education, economy, religion and lead to changes in the cultural basis of the population. Consideration of such phenomena in the spectrum of the frontier theory allows us to identify the main roles that the woman performed in an environment of intensive cultural interaction, as well as to identify the main factors affecting the formation of these roles in the Lower Volga region.

Key words: frontier, Lower Volga region, cultural dialogue, Astrakhan.

References

- Erdniev, W.E. (1985). *Kalmyks: Historical and ethnographic essays*. (3rd ed., Revised and additional.) Elista: Kalm. book. publishing house.
- Imashev, M.M. (2014). *A Muslim woman and a social movement in Astrakhan in the early twentieth century*. (Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships. № 4) Volgograd.
- Karnaukhova, G.G. (2009). *Woman of a provincial city on the example of Astrakhan (late XIX - early XX centuries.)*. Astrakhan local lore readings: a collection of articles. A.A. Kurapov. (ed.) Issue. I. Astrakhan. Retrieved from: <https://shamardanov.wordpress.com/2009/10/15>
- Kharuzin, A.N. (1888). *The steppe essays (Kirghiz Bukeyevskaya horde). Pages from the notebook*. Moscow.
- Malyshev, N. (2012). *The usual family law of the Kirghiz*. Moscow: The book on Demand.
- Nemirovich-Danchenko, V.I. (1903). *By the blue sea. On the Volga (essays and impressions of a summer trip)*. St. Petersburg: Publication of P.P. Soykin.
- Palmov, N. (1910). *The Voskresensko-Mironositskiy Convent in the Astrakhan Province, a short historical description*. Kiev: Typography of Kiev-Pechersky Uspensky Lavra.
- Syzranov, A.V. (2008). *Ethnoses and ethnic groups of the Astrakhan region*. Astrakhan.
- Turner, F.J. (2009). *Frontier in American History*. Trans. with English. A.I. Petrenko. Moscow: The Whole World.
- Urazmanova, R.K. & Cheshko, S.V. (2001). *The Tatars*. Moscow: "Science"
- Victorin, V.M. (2009). *Ethnoconfessional ties of the Turkic peoples with the Kalmyks in the Lower Volga and Ciscaucasia*. (Materials of the scientific and practical Internet conference "Problems of Intercultural Communication: History and Modernity"). Astrakhan. Retrieved from: <http://topinworld.ru/etnokonfessionalnyie-svyazi-tyurkskih.html>
- Yakushenkov, S.N. & Yakushenkova, O.S. (2010). *American frontier and Russian analogies in the Volga and the Lower Volga Region*. The Caspian region: politics, economy, culture. (№ 1) Astrakhan.
- Yakushenkova, O.S. (2009). *The role of women in the translation of culture on the American frontier*. Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. № 8. Volgograd.
- Yakushenkova, O.S. (2012). *Woman on the American frontier*. Astrakhan: ASU

Yermukhanova, N.A. (2013). *The influence of the cultural processes of the Lower Volga frontier on the situation of the Kazakh woman*. Caspian region: politics, economy, culture. (№ 4) Astrakhan.

ОБРАЗ ВОИТЕЛЬНИЦЫ В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ДИСКУРСАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Якушенкова О. С.

Якушенкова Олеся Сергеевна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: jestershadow@mail.ru

Статья рассматривает примеры трансформации национальных культур в процессе встречи с Чужой культуры. В качестве предмета исследования была выбрана гендерная трансгрессия, являющаяся результатом влияния кочевых культур на российскую и китайскую культуры. Трансгрессия или переход от нормативности к новым моделям поведения, ранее считавшимся неприемлимыми для традиционной культуры, является один из важнейших механизмов выживания во фронтирных территориях, позволяющих индивиду наиболее быстро и успешно адаптироваться к быстроизменяющимся условиям культурного ландшафта. Встреча с чужой культурой порождает новую модель поведения, так как Чужой, и особенно Чужая женщина воспринимаются как чрезмерно воинственная и избыточно сексуальная. Нередко эти два качества совмещаются в одно целое. В ситуации фронтирного контакта, когда военные конфликты оказываются доминирующими, эта модель воинственного поведения женщины оказывается нормативной для культуры, которая ранее воспринимала ее как неприемлемую. И русская, и китайская культуры, будучи патриархальными, требовали от женщин послушания и рассматривали женщин-воительниц как дважды Чужих, а их образ, зачастую, становился универсальным для маркировки дикости Чужого. Однако, в условия пограничных конфронтаций новая трансгрессивная модель постепенно не только допускалась обществом, но и в ряде случаев становилось нормой, особенно в случаях, если субъектом трансгрессии оказывалась Чужая женщина, что и было показано на примере ряда персонажей китайской истории. В качестве параллельного материала в статье анализируются российские былины о схватке богатыря с полонянками. Автор полагает, что подобная фольклорная тема является результатом контактов славян с половцами.

Ключевые слова: Чужой, фронт, межкультурная коммуникация, трансгрессия, модели поведения, женщины, воинственность, русские былины, кочевники

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2» «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Существование культуры в условиях полной изоляции достаточно маловероятно, а значит, межкультурные контакты так или иначе являются неотъемлемой частью существования любого социума. Вторжение Чужого в нашу реальность будоражит и заставляет подстраиваться под новые условия существования, вырабатывая наиболее успешные способы взаимодействия. Чем дальше от нас географически отстоит этот Чужой, тем более странным и диким он нам кажется. На Чужого переходят все негативные черты природного мира, со всеми характеристиками необузданного и первозданного ландшафта (Якушенков, Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтирного пространства, 2015). Таким образом, представители других народов становятся в нашем воображении неконтролируемыми, распутными или сексуально озабоченными. Их действия не состыкуются с нашими представлениями о морали и зачастую «Чужим» народам приписывается приверженность к групповому браку и промискуитету, что, однако, является лишь отражением общего механизма построения образа Чужого.

Особую роль в таком переносе отводится Чужой женщине, поскольку она по сути является существом дважды Чужим – чужая для патриархального общества и Чужая как представитель иной этнической группы.

Исследователи Элла Шохат и Роберт Стэм отмечают, что покорение новых земель в западном дискурсе нередко описывается через сексуальные метафоры (Shohat & Stam, p. 141): «девственные земли» завоевываются и «оплодотворяются», становясь собственностью первооткрывателя, что распространяется и на ресурсы этой земли. Подобный дискурс сохраняется и в наше время, ведь Амазонские джунгли продолжают называть «девственной территорией» и по сей день. Метафора девственницы – это обратная сторона образа агрессивно-сексуальной, дикой женственности, поэтому «Ничейная земля» или дикая природа могут быть охарактеризованы как стойкие, суровые и жестокие, т.е. страна диких ландшафтов, которую необходимо приручить; строптивые народы будут окультурены, а пустыня – цвести (Якушенков, 2017, стр. 12-28). В конечном счете, это служит идее спасения, которая используется при необходимости оправдания завоевательной политики, т.е. завоеватель делает одолжение покоренному народу, спасая его от «дикости».

Подобное противостояние мужчина завоеватель \ сексуальная Чужая является отражением структуры любого патриархального общества. Патриархальность китайского общества во многом поддерживалась конфуцианской идеологией, пропагандировавшей конкретные принципы надлежащего поведения. Эти идеалы включали

примат родственных групп над индивидуумом, жесткое разделение полов, доминирование мужчины над женщинами, ритуализированные отношения между полами, приоритет в воспитании сыновей, а также моральные запреты на поведение, которое может дестабилизировать социальное устройство, к примеру, повторный брак и вступление вдов в новые отношения (Hinsch, p. 39). Однако масштабы приверженности этим этическим предписаниям в разные эпохи сильно различались, и как отмечает Б. Хинш, практика бракосочетания до династии Тан соответствовала этим идеалам меньше, чем в последующие эпохи, что могло диктоваться практической необходимостью (p. 39).

Воплощением идеала женского поведения стала традиция бинтования ног, лишавшая женщин возможности самостоятельно передвигаться. «Золотой лотос» (перебинтованная ступня, длиной в 7 см.) был залогом успешного замужества, однако, поскольку позволить себе прокормить дочь, чья способность помогать по хозяйству из-за ограниченной подвижности была исключена, могли только зажиточные семьи. Это также сокращало возможности для девушек из неаристократических семей перемещения по социальной лестнице.

Следование ритуальности и строгие социальные роли были ключевым моментом китайского понимания цивилизации и цивилизованности. В этом смысле особенно интересны приводимые Б. Хинш изображения эпохи Хань, позиционирующие варваров – врагов китайской культуры – как женщин-воительниц, т.е. их исключение женщин из военной сферы являлось одним из базовых маркеров цивилизованного поведения (2011, p. 101).

Не менее патриархальной была и Русь. Исследовательница Б. Эванс Клементс, изучавшая историю женщин в России, отмечает что патриархальная структура общества была общеевропейской, с тем лишь отличием, что христианство на Русь приходит несколько позднее, чем к Западным соседям (2012, p. 2). Семейная принадлежность, титулы и имущество, наследовались по мужской линии, и мужчины занимали все государственные должности, светские и религиозные. Возраст и социальный ранг также влияли на гендерную иерархию, как и во многих других обществах, и поэтому старшие имели власть над младшими в своих семьях, а также над всеми мужчинами, которые находились ниже их социально за пределами семейного круга. У пожилых женщин была значительная власть над более молодыми женщинами-родственницами, помимо этого они пользовались уважением своих сыновей. Вдовам, возможно, было предоставлено больше автономии, чем замужним женщинам, что, по мнению Клементс, имело место и в других странах Европы (Clements, p. 2). Женщины также следили за послушанием рабов и слуг, т.е. мужчин и женщин, которые находились иерархически ниже.

Это предоставление власти в соответствии с возрастом женщины и ее статусом в иерархии семьи и общества распространялось и на нижестоящих членов общества Руси (Clements), что было присуще не только для древней Руси, но и для последующих столетий России и Европы.

Одна из самых значительных женщин Древней Руси – это княгиня Ольга. Каждый школьник знает о ее мести древлянам, однако по мнению Рыбакова, эта история – целостное политическое сочинение, полу-былина о гармоничности государственного и народного начала в пору неупорядоченных феодальных отношений (Рыбаков Б. А., 1987, стр. 380). Аналогичный подход упоминают и другие авторы (Данилевский, 2004, стр. 78-80), (Лихачев, 1950, стр. 297). Уже упомянутая выше Б. Клементс отмечает параллели со скандинавским фольклором (Clements, p. 9). В рамках нашего анализа не столь важна подлинность истории, сколько связь образа женщины (и женской агрессии) с местью.

Русский фольклор пестрит образами героинь, не вписывающихся в традиционные представления о женском поведении. По мнению С. Плетневой, в эпоху после крещения Руси не могло быть и речи о русских девушках, скитающих по степи, т.е. поляницами были молодые половчанки (2010, стр. 75). Она же отмечает, что часто встречающийся мотив сдергивания богатыря с седла – это типичный половецкий прием, а борьба жениха и невесты – часть половецкого свадебного обряда (Плетнева, стр. 76). По ее мнению, в условиях кочевий от женщины требовалось не только управлять хозяйством, но и обороняться в отсутствие мужей (Плетнева, стр. 76). Уже упомянутый выше Рыбаков же пишет, что воины-тюрки – печенеги, половцы (а позднее и татары) были патриархальными народами, у которых не было, как правило, женщин-воительниц, поэтому он рассматривает это мотив как отражение киммерийско-сарматских реалий (Рыбаков Б. А., 1987, стр. 620), что, однако, на наш взгляд, несколько менее вероятно, чем результат контактов с тюрками. Здесь, опять-таки, не столь важен факт реального наличия у половцев и печенегов женщин-воительниц, сколько отражение процесса взаимодействия с Чужим, происходящее по тем же критериям и представлениям о «цивилизованности», что и в упомянутом выше случае с изображением варваров в Китае.

Фольклор народа не обязан отражать события с исторической точностью, в то же время он является важным источником сведений о культурных контактах. Чужой в былинах нередко демонизируется, и его образ приобретает гипертрофированные черты. Как минимум три половецких хана – Тугоркан, Боняк и Шарукан вошли в русский фольклор. Боняк фигурирует как Буняка Шелудивый. Образ его, как правило, гротескный – он либо слишком маленького, либо огромного

роста, нередко это только голова, без тела, которая катится по земле, уничтожая все на своем пути. Иногда он упоминается как людоед или как существо со смертоносным взглядом. Тугоркан, же, по мнению некоторых исследователей, вошел в русские былины как Тугарин Змей (Рыбаков Б. , 1963, стр. 102). Конечно, связь со змеями может являться следствием наложения образа «завоевателя» на мотив борьбы с Чужим завоевателем традиционного для Руси (да и многих других народов) мотива борьбы со змеем, однако, С. Плетнева объясняет этимологию прозвища («змей») как кальку с названия половецких орд, а поскольку русские знали половецкие самоназвания и их значение, то и могли переводить их на русский язык (2010, стр. 74).

Особенно интересен тот факт, что не всегда змей в русских былинах является мужчиной. К примеру, былина о бое Добрыни со змеем (Григорьев, 1904, стр. 272) (Былина о Добрыне Никитиче, 1904) существует в нескольких вариантах, в одном из которых змея представлена как существо женского рода. Змея (или змей) живут в море и нападают на героя, решившего голым плавать в воде, хотя его несколько раз предупреждали о возможных последствиях этого поступка. Герой нарушает запрет и вынужден заключить союз со Змеей, чтобы спасти свою жизнь. В конце повествования герой освобождает русских пленных и получает невесту. В былине «Рождение Добрыни и его первый бой со змеем» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 68-71) герой изначально мотивирован на освобождение русских пленных, однако в этом нарративе отсутствуют предупреждающие героя девы. Змея же, как и в первом тексте, – женского рода, а история заканчивается заключением договора со змеей о соблюдении «границ». В продолжении это былины – «Второй бой со змеей и освобождение Забавы» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 72-77) – змея нарушает договор и отправляется на Киев, похищая Забаву Путятичну, а Добрыню призывают достать пленницу «без боя и кровопролития», так как он – единственный богатырь, у которого заключен договор со змеей. Л.А. Абрамян, анализируя роль образа змея, отмечает замену мотива убийства змея на соитие с девушкой (нередко хтонической) в русских сказках: богатырка засыпает «богатырским» сном, а герой овладевает ею и крадет молодильные яблоки и воду (Абрамян, стр. 25-26). Есть также варианты сказки, где роли охранителя священного сада и девицы разведены: герой убивает охранника и получает доступ к прекрасной деве.

Свадебные мотивы достаточно часто звучат и в былинах, где герой вступает в бой с женщиной, причем, зачастую не он бывает

инициатором свадьбы. К примеру, в былине «Бой Добрыни с удалой поляницей и женитьба на ней» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 78-82) герой встречает поляницу, превосходящую его по силе и смелости, что заставляет его сомневаться в своих способностях. Герой устраивает проверку и убеждается что не утратил сил, однако, поляница сильнее героя, она скидывает его с коня и кладет в «мешок»: «Если ровня богатырь - замуж пойду» (Русские народные былины. По сборникам Кирши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга, стр. 81). В другой былине («Настасья Никулична») героиня также принуждает Добрыню к браку. Мы уже упоминали точку зрения некоторых исследователей о том, что образ поляницы, т.е. женщины-воительницы, мог появиться под влиянием представлений о Чужом. А.Ф. Гильфердинг же связывал наличие образа воительницы в Олонецких былинах, и утрату его значения в других областях России, со сложными условиями жизни в губернии: «Олицетворяя в богатыре мужскую силу и отвагу, крестьянин этих мест не мог отделять его от такого же героического типа женщины; потому так ясно и сохранилось здесь понятие о полянице, которое в других краях России потеряло свою определенность» (Гильфердинг, стр. XXVI).

Зачастую подобные «гендерные» сдвиги происходят на гетеротопных и фронтальных пространствах (Якушенкова, Женщина на американском фронте., 2013), а Олонецкая губерния определенно была одной из них. Трансгрессия, по сути, является одной из базовых черт гетеротопных пространств, поскольку последние ломают все сложившиеся стереотипы поведения и принуждают человека менять традиционную модель поведения на более подходящую в новых условиях. Не лишним будет отметить, что буферные\фронтальные зоны как раз представляют собой подобные гетеротопии, в которых столкновение с Чужой культурой вынуждает принимать новые условия. Даже если подобные сдвиги не сильно заметны, они оказывают значительное влияние в долгосрочной перспективе.

Древнекитайская и древнерусская культуры – патриархальны по сути. И все же, обе из них допускали существование образа женщины воительницы, идущего, казалось бы, в разрез с основным концептом «женственности», доминирующем в этих культурах.

Однако, необходимо отметить, что даже патриархальная модель допускала существование идеи женщины как субъекта мести. Так, инициатором восстания в Хайцзюе против династии Синь становится Мама Лю, после того как ее сын был казнен за незначительный проступок. После ее смерти в 18 г. н.э. ее последователи влились в восстание красноволосых, что в итоге привело к свержению императора.

Месть стала также причиной борьбы сестер Чынг (национальных героинь Вьетнама) против китайских наместников (они смогли завоевать 65 городов).

Исключение женщин из военного дела как помехи определяло ранний имперский период китайской истории. Хотя императорские супруги и наложницы «добывали» важные посты для своих отцов и братьев, они сами были исключены из поля власти. Однако, на некоторых территориях такая установка не работала, и это справедливо в первую очередь для фронтальных земель, где происходило слияние китайской культуры и культур кочевых племен.

Жена основателя династии Лянь и государства Киданей – Иньтянь, придумала план уничтожения противников мужа и помогала ему оставаться у власти, когда его братья угрожали ему восстанием. Она же отбирала доблестных воинов для собственного войска. В последствии, в отсутствие императора она обнаружила заговор и собственным войском подавила восстание двух кланов (Johnson, p. 124).

Жена императора династии Ляо Цзин-цзуна Чэнтянь (она же Жуйчжи) фактически управляла государством, решая также и военные вопросы. Из-за слабого здоровья сам император был не в состоянии разрешать спорадические военные конфликты, и эта функция отошла к императрице. После смерти мужа ее влияние не уменьшилось, и ее по-прежнему можно было увидеть на поле боя, рядом с ее сыном, во главе десятитысячного войска (Lee & Wiles, pp. 481-483). Ее сестра, Сяо Хуньян, продолжила военную традицию. После смерти мужа она возглавила его войско и стала командовать экспедиционной силой против пограничных племен. (Johnson, p. 131)

Однако, киданьские женщины были не единственными воительницами в китайской истории. Здесь достаточно упомянуть весьма значимую для китайской истории Балладу о Хуа Мулань, рассказывающую о женщине, ушедшей на войну с кочевниками вместо отца (или слишком молодого для службы брата). Хотя история Мулань все же вписывается в конфуцианские представления о долге и готовности пожертвовать всем для его исполнения.

Лян Хуньюй, жена генерала Хань Шичжуна, сопровождала его на полях сражений и удостоилась государственного вознаграждения зарплатой за вклад в безопасность. Цинь Ляньюй – китайская государственная и военная деятельница, известная участием в обороне империи. Хотя она не принадлежащая к ханьской этнической группе, действовала и в их интересах, противостоя маньчжурским войскам.

Как мы видим, эти героини в основном связаны с необходимостью противостоять внешнему завоевателю-кочевнику, либо, как случае с представительницами династии Ляо – сами являются

представителями другой культуры, тем не менее, оказывающей значительное влияние на китайскую. Интересно, что образ воительницы актуализировался и в XX веке – в период японо-китайской войны (1937-1945) (Dooling, p. 24), что во многом обосновывается необходимостью мобилизации всего населения для противостояния внешнему врагу. Женщина как защитница появляется и в российском дискурсе в период Великой отечественной войны. В обоих случаях гендерная трансгрессия служила идее защиты родины и мести завоевателям.

Образ женщины-воительницы весьма актуален и в современном китайском кинематографе, о чем мы уже писали ранее (Якушенкова & Сюй). Зачастую, подобное поведение словно иллюстрирует упомянутое выше ханьское представление о варварах, чьими предводительницами являются женщины, поскольку такой подход усиливает «чуждость» персонажа и антагониста, наряду с внешними маркерами дикости – специфической одеждой (или ее отсутствием), татуировками и т.д. Однако и конфуцианская модель защитницы родины, оставляющей оружие с устранением агрессора, также встречается достаточно часто.

Гендерная трансгрессия, проявляющаяся во многом одинаково в зонах межкультурных контактов России и Китая, как видно из примеров выше, была зачастую спровоцирована встречей с Чужой культурой, причем в обоих случаях это были столкновения с кочевой культурой. Будучи патриархальными культурами, и русская, и китайская требовали от женщины послушания и подчинения, однако, кризисные периоды военных столкновений и фронтальные зоны оставляли возможность для отклонения от этой модели поведения, а месть и защита территорий представлялась достаточным основанием для демонстрации трансгрессивного поведения, причем образ трансгрессирующей героини актуализировался обеими культурами в XX в. при столкновении с внешними агрессорами.

Список литературы

Clements, B. (2012). *A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present*. Bloomington: Indiana University Press.

Dooling, A. D. (2005). *Women's Literary Feminism in Twentieth Century China*. NY: PALGRAVE MACMILLAN.

Hinsch, B. (2011). *Women in Early Imperial China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Johnson, L. (2011). *Women of the Conquest Dynasties. Gender and Identity in Liao and Jin China*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Lee, L., & Wiles, S. (2014). *Biographical Dictionary of Chinese Women: Tang Through Ming, 618-1644*. London: M.E. Sharpe.

Shohat, E., & Stam, R. (2014). *Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media*. NY: Routledge.

Абрамян, Л. А. (1994). Змей у источника (к символике универсального ритуально-мифологического образа). В *Историко-этнографические исследования по фольклору*. (стр. 20-34). Москва: Изд. фирма «Науч. лит.» РАН.

Былина о Добрыне Никитиче. (1904). Санкт-Петербург: и-е Санкт-петербургского общества грамотности.

Гильфердинг, А. Ф. (1873). *Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года*. СПб: Тип. Императорской Академии Наук.

Григорьев, А. Д. (1904). *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. : с напевами, записанными посредством фонографа, Т. 1, Ч. 1. Поморье. Ч. 2. Пинега*. Москва: Изд. Император. Акад.

Данилевский, И. (2004). *Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов*. Москва: Аспект–Пресс.

Лихачев, Д. С. (1950). *«Повесть временных лет»*. Ч. 2. *Приложения*. М.-Л.: И-во Академии наук СССР.

Плетнева, С. (2010). *Половцы*. Москва: и-во «Ломоносов».

Русские народные былины. По сборникам Кириши-Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. (1904). Москва: Т-ва И.Д. Сытина.

Рыбаков, Б. (1963). *Древняя Русь: сказания, былины летописи*. М.: Академия наук СССР.

Рыбаков, Б. А. (1987). *Язычество Древней Руси*. Москва: Наука.

Якушенков, С. Н. (2015). Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства. *Каспийский регион: политика экономика культура*, 261-266.

Якушенков, С. Н. (2017). На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Часть 2. *Журнал фронтальных исследований*, 8-36.

Якушенкова, О. С. (2013). *Женщина на американском фронтире*. Астрахань: изд. Сорокина Р.В.

Якушенкова, О. С., & Сюй, Ю. (2015. № 2). Гетеротопные образы фронтальной героини в китайском кинематографе. *Каспийский регион: Политика, экономика, культура.*, С. 363-367.

**THE IMAGE OF A WOMAN-WARRIOR IN THE RUSSIAN AND
CHINESE DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Yakushenkova O.S.

Iakushenkova Olesya Sergeevna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: jestershadow@mail.ru

The article examines examples of the transformation of national cultures in the process of cultural encountering. As a subject of the study, a gender transgression was chosen which was a result of the influence of nomadic cultures on Russian and Chinese cultures. The transgression or transition from normativity to new behaviors, previously considered to be a pattern unacceptable for traditional culture, is one of the most important mechanisms of survival in Frontier areas, allowing the individual to adapt quickly and successfully to the rapidly changing conditions of the cultural landscape. A meeting with the Alien culture creates a new pattern of behavior, since the Alien, and especially the Alien woman is perceived as being excessively militant and excessively sexual. Often, these two qualities are combined into one. In a situation of Frontier contacts, when military conflicts are dominant, this model of warlike behavior of a woman turns out to be normative for a culture that previously perceived it as unacceptable. Both Russian and Chinese cultures, being patriarchal, demanded obedience from women and considered female warriors as twice Aliens, and their image, often, became universal for marking the savagery of the Alien. However, in the conditions of border confrontations, the new transgressive model was gradually not only allowed by society, but in a number of cases it became the norm, especially in cases where an Alien woman was the subject of the transgression, which was shown by the example of a number of biographies from Chinese history. As a parallel material in the article, Russian epic stories about the battle of the hero (Bogatyr) with the Steppe Female Knight are analyzed. The author believes that such a folklore theme is the result of contacts of the Slavs with the Kipchaks.

Keywords: the Other, frontier, intercultural communication, transgression, cultural patterns, women, militancy, Russian epics, nomads

References

Clements, B. (2012). *A History of Women in Russia: From Earliest Times to the Present*. Bloomington: Indiana University Press.

Dooling, A. D. (2005). *Women's Literary Feminism in Twentieth Century China*. NY: PALGRAVE MACMILLAN.

Hinsch, B. (2011). *Women in Early Imperial China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.

Johnson, L. (2011). *Women of the Conquest Dynasties. Gender and Identity in Liao and Jin China*. Honolulu: University of Hawaii Press .

Lee, L., & Wiles, S. (2014). *Biographical Dictionary of Chinese Women: Tang Through Ming, 618-1644*. London: M.E. Sharpe.

Shohat, E., & Stam, R. (2014). *Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media*. NY: Routledge.

Abramyan, L. A. (1994). *The serpent at the well (the universal symbolism of the ritual-mythological image)*. In the *Historical and ethnographic study of folklore*. (pp. 20-34). Moscow: Russian Academy of Sciences.

Bylina of Dobrynya Nikitich. (1904). Saint Petersburg: I-e the St. Petersburg literacy society.

Hilferding, A. F. (1873). *Onega bylinas recorded by Alexander F. Hilferding in the summer of 1871*. SPb: Type. The Imperial Academy Of Sciences.

Grigoriev, A. D. (1904). *Epic and historical songs collected by A. D. Grigoriev in 1899-1901 in Arkhangelsk: with tunes recorded by the phonograph*, vol. 1, Part 1. Pomerania. Part 2. Pinega. Moscow: The Imperial Academy Of Sciences.

Danilevsky, I. (2004). *Primary Chronicle: hermeneutical foundations of the study of the annalistic texts*. Moscow: Aspect–Press.

Likhachev, D. S. (1950). *The tale of bygone years*. Part 2. App. M.-L.: of the Academy of Sciences of the USSR.

Pletneva, S. (2010). *The Cumans*. Moscow: "Lomonosov".

Russian folk epics collected by Kirsia-Danilov, Rybnikov, Hilferding and Kirievski. (1904). Moscow: T-VA I. D. Sytina.

Rybakov, B. (1963). *Old Rus: tales, epics, Chronicles*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

Rybakov, B. A. (1987). *Paganism Of Ancient Rus*. Moscow: Nauka.

Yakushenkov S. N. (2015). *Topophilia vs topophobia as a cognitive paradigm frontimage space*. The Caspian region: politics economy culture, 261-266.

Yakushenkov S. N. (2017). *On the border of clouds go sullenly, edge stern silence enveloped*. Part 2. Journal frontline research, 8-36.

Yakushenkova, O. S. (2013). *Woman on the American frontier*. Astrakhan: Izd. Sorokin R. V.

Yakushenkova, O. S., & Xu, Y. (2015. No. 2). *Heterotopic images of frontire heroine in Chinese cinema*. In *The Caspian region: Politics, economy, culture.*, P. 363-367.

РОССИЕВЕДЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (О РОССИЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)¹

Ставров И.В.

Ставров Иван Валерьевич, Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89. Эл.
почта: stavivan@yandex.ru

Статья посвящена изучению ситуации в сфере россиеведения в провинции Хэйлунцзян (КНР). Расположение провинции Хэйлунцзян на границе между Китаем и Россией стало важной предпосылкой развития россиеведения в регионе. В первой половине XX в. русскими эмигрантами и служащими КВЖД был заложен фундамент системы подготовки специалистов-россиеведов. В период КНР в регионе были образованы научный и учебно-научный центры россиеведения: ХАОН и Хэйлунцзянский университет (Хэйда). На рубеже XX – XXI вв. произошло расширение приграничных контактов: туризма, торговли и т.п. В связи с этим в провинции расширился перечень университетов, производящих подготовку русистов, в основном переводчиков. Однако такое расширение не привело к качественному изменению россиеведческих исследований, они по-прежнему производятся главным образом в ХАОН и Хэйда.

Исследовательские интересы хэйлунцзянских ученых охватывают многие аспекты российской действительности: будь то вопросы приграничного сотрудничества, социальной, демографической, культурной сферы. Однако нередко исследования носят компилятивный характер и написаны на довольно низком теоретическом уровне. Тем не менее, производство и распространение знаний о России способствует развитию двусторонних связей и создают предпосылки для совершенствования российско-китайских отношений.

Ключевые слова: Россиеведение, КНР, провинция Хэйлунцзян, российско-китайское приграничье, образ России в КНР.

Россиеведение в Китае имеет длительную историю и начало формироваться в процессе развития контактов между народами. Первые известия о русских стали появляться в Китае с появлением пленников из Руси в эпоху монгольской династии Юань (1271 – 1368 гг.). Однако эти сведения носили отрывочный и не систематический характер. Ситуация

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект №16-31-01043 «Образы России и Китая в зеркале средств массовой информации». Раздел «Россиеведческие центры в провинции Хэйлунцзян» выполнен в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН.

стала меняться, когда количество и качество контактов изменилось. В XVII – XVIII вв., в результате столкновения в Маньчжурии между государствами был подписан мирный договор (1689 г.), устанавливавший пределы двух стран, а в Пекине появилась Русская духовная миссия, ставшая первым российским посольством в Поднебесной. XIX век стал для Китая переломной эпохой: закрытая страна с традиционным укладом начала открываться Западу. Поэтому во второй половине XIX в. здесь стала активно распространяться европейская наука, технологии и возрос интерес к западным странам в целом. Фактически страноведение и россиеведение, как ее часть, получили распространение лишь на рубеже XIX – XX вв. (Тихвинский, 2012. С. 10 – 39). Но наибольшим толчком к изучению нашей страны послужила Октябрьская революция 1917 г., оказавшая немалое влияние и на Китай. Особенно большой интерес к России / СССР проявился в Китае после образования КНР (1949 г.): новому государству был необходим советский опыт для ускоренной модернизации хозяйства и общества.

С распадом СССР интерес к россиеведению (советологии) на некоторое время упал, что вполне соотносится с желанием КНР активно встраиваться в мировую экономику (не в ущерб национальным интересам). Тем не менее, в условиях трансформации экономического механизма стала очевидна задача необходимости корректировки политической структуры и идеологии правящей партии, что неизбежно порождает конфликты в обществе. Поэтому в последние полтора десятилетия изучение истории СССР и постсоветской России стало вновь актуальным. Власти Китая побуждают изучение таких вопросов как причины утраты власти КПСС, проблемы социально-экономического развития постсоветской России и т.п. (Подробнее см.: Галенович, 2011).

В отечественной историографии пока еще не много работ, посвященных оценке современного россиеведения КНР. Обзор некоторых исследований о СССР/ России был проведен Ю.М. Галеновичем (2011, 2011a). Проблемы образа России в Китае стали предметом изучения академика С.Л. Тихвинского (2012) и Н. Тен (2016). Организационным аспектам китайской науки посвящены справочник И.Н. Комиссиной (2012), содержащий некоторые сведения и об россиеведческих организациях КНР, статья Бу Пина (1999) о структуре АОН провинции Хэйлунцзян, а также популярная, но весьма содержательная статья А. Габуева (2014) с обстоятельным обзором деятельности центральных россиеведческих организаций. В связи с этим, в фокусе моего внимания будет организация россиеведения в приграничной провинции Хэйлунцзян, а также обзор основных исследовательских направлений, сформировавшихся в указанном

регионе. Китайская историография, посвященная китайско-российским отношениям здесь рассматриваться не будет в связи с тем, что хорошо обобщена в работах, посвященных данной тематике (См., например, Ларин, 2006; Иванов, 2015). Выбор именно этой территории вызван практически полным отсутствием работ, посвященных состоянию руссиеведения в регионах Китая.

Руссиеведческие центры провинции Хэйлунцзян.

Провинция Хэйлунцзян имеет довольно глубокие традиции изучения России и особенно русского языка, что непосредственно связано с историей г. Харбина (провинциальный центр) и регионом в целом. Именно здесь проходила знаменитая Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и располагалась российская зона отчуждения вдоль линии дороги. До середины XX в. здесь располагались школы, средние специальные и высшие (например, Харбинский политехнический институт и Юридический факультет) учебные заведения для россиян и представителей местного населения.

После образования Народной Республики, в 1960 г. в Харбине при Хэйлунцзянском филиале Академии наук КНР был создан отдел философии и общественных наук, а в 1964 г. открылся одноименный институт. В 1979 г. руководство провинции Хэйлунцзян основало Академию общественных наук (далее – ХАОН), продолжившую традиции упомянутых выше заведений¹. В составе современной ХАОН имеется специализированный Институт России, а также Институт истории и Институт Северо-Восточной Азии, которые ведут исследования, в том числе и по руссиеведческой тематике (ХАОН).

Институт² России появился одновременно с образованием Института философии и общественных наук и первоначально назывался Институтом советского Дальнего Востока. В настоящее время в нём трудятся 16 исследователей и их работы посвящены изучению российско-китайских приграничных отношений, социально-экономическому развитию РФ, политических, юридических, религиозных вопросов. В основном проблематика связана с рассмотрением региональных проблем. Данным институтом издается журнал «Сиболия яньцзю» («Исследования Сибири», основан в 1974 г.).

¹ Из состава Академии наук КНР в 1977 г. была образована Академия общественных наук, структура АОН децентрализована. АОН расположена в Пекине и финансируется из центрального бюджета, а провинциальные АОН финансируются местными правительствами.

² Следует обратить внимание читателя на то, что «институты» (研究所, *яньцзюсо*) ХАОН и других провинциальных академий представляют собой не самостоятельные учреждения, а скорее исследовательские «отделы» по аналогии с российскими реалиями. В самих же академиях работают, как правило, несколько сотен человек, что сопоставимо с численностью персонала крупного исследовательского института РАН.

В настоящее время исследовательский коллектив возглавляет Ма Юцзюнь (ХАОН).

Институт истории сформировался на базе Отдела философии и общественных наук Хэйлунцзянского филиала АН КНР. С 1979 г. имеет статус Института. Деятельность подразделения направлена на изучение древней, средневековой, новой и новейшей истории Северо-Восточного Китая (или Дунбэя, Маньчжурии), российско-китайских отношений и истории взаимодействия с другими странами (Японией, Кореей). В его составе имеется специальный Отдел истории китайско-российских отношений. Изучению России посвящены труды Чжан Цзунхуа, Ли Суйаня, Ян Синьмо и других исследователей.

Деятельность Института Северо-Восточной Азии направлена, главным образом, на изучение китайско-корейских и китайско-японских отношений. Тем не менее, в связи с тем, что Россия играет немаловажную роль в регионе, особенно в свете реализуемой инициативы «один пояс – один путь», в структуре Института сформирована группа по изучению сотрудничества с Россией в контексте развития интеграционных связей в Северо-Восточной Азии.

Среди неакадемических учреждений выделяется Хэйлунцзянский университет, являющийся одним из крупнейших и уважаемых центров подготовки русистов в КНР. В составе университета имеется Институт русского языка, Китайско-российский институт и Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры. Институт русского языка – один из старейших в КНР и «визитная карточка» университета. Лишь за последнее десятилетие здесь было подготовлено свыше 1500 специалистов, имеющих квалификацию бакалавра. Заслуги профессоров-русистов признаны не только на родине, но и в России. Так, в 2003 г. директору Института русского языка, профессору Дэн Цзюнь было присвоено звание «Заслуженного работника высшей школы Китая» и ее лично поздравил премьер-министр КНР Вэнь Цзябао. А в 2009 г. она была приглашена в Москву, где В.В. Путин вручил ей медаль имени А.С. Пушкина (так называемая «награда Путина») за выдающийся вклад в распространение русского языка в Китае (Институт русского языка; Ли Суйань, 2014).

Китайско-российский институт – подразделение еще совсем «молодое». Он был основан в мае 2011 г. совместно с Новосибирским государственным университетом. Студенты, обучающиеся в нем, на протяжении полутора лет изучают русский язык, грамматику, разговорный язык, а затем продолжают обучение в Новосибирске на необходимых в КНР специальностях.

Помимо образовательной работы университет активно проводит научные исследования. В его структуре создано специальное научно-

исследовательское подразделение: Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры. В настоящем центре работают свыше 20 человек, ведущие исследования в сфере русского языка и литературы, истории России, экономического развития РФ (НИЦРФК). На базе Центра и Института русского языка издаются журналы «Элосы сюэкань» («Исследования Россия») и «Элосы юйянь вэньсюэ юй вэньхуа яньцзю» («Исследования русского языка, литературы и культуры»). А также в университете выходит журнал «Вайюй сюэкань» («Исследования иностранных языков»), значительное место в котором посвящены русскому языку.

Во многих вузах провинции созданы факультеты и кафедры русского языка, которые готовят как переводчиков, так и учителей. Непосредственно в Харбине русистов также готовят в политехническом, педагогическом и Северо-Восточном аграрном университетах. В других городах провинции тоже ведется такая работа. Факультеты русского языка действуют в цзицарском, муданьцзянском и хэйхэском университетах. Перечисленные университеты в основном ведут подготовку специалистов-практиков и в отличие от Хэйлунцзянского университета практически не осуществляют исследовательскую деятельность.

Таким образом, провинция Хэйлунцзян является крупным центром русистов в КНР. Здесь создан академический (АОН и Хэйлунцзянский университет) и образовательный (Хэйда и другие вузы региона) кластеры, которые позволяют проводить серьезные изыскания по всем направлениям российско-китайского сотрудничества, истории, культуре России и т.п.

Направления исследований в области русистов.

Научная работа, как говорилось выше, затрагивает все основные направления русистических исследований: историю России, ее культуру и язык, экономическое развитие нашей страны, китайско-российские отношения. Однако, окраинное, приграничное расположение провинции накладывает определенный отпечаток на фокус исследований: в них немалое внимание уделяется региональным российско-китайским связям, ведется изучение восточных регионов России.

Китайский историк-русист, профессор Ли Суйань выделил три этапа в изучении истории России и китайско-российских отношений: с 1949 г. по начало 1960-х годов – «медовый месяц» отношений. Именно в этот период оформляется русистология / русистоведение в Хэйлунцзяне. Как отмечает учёный, «русистологические исследования в строгом смысле слова не велись, а лишь осуществлялась массивная

положительная пропаганда деятельности СССР на мировой арене, а также советского образа жизни» (Ли Суйань, 2014. С. 328). Второй период приходится на время конфронтации между двумя странами – начало 1960-х – 1989 г. Именно на данном этапе происходит организация специализированного центра по изучению СССР и его восточных рубежей¹. В целом, советологию той поры можно охарактеризовать так же, как и в 1950-е, только со знаком «минус». Лишь с рубежа 1980-х – 1990-х годов начинается новый этап отношений двух стран, который дал толчок более взвешенному развитию русистики как в КНР в целом, так и в провинции Хэйлунцзян (Ли Суйань, 2014. С. 328 – 330).

В рамках настоящего обзора невозможно рассмотреть все направления исследований, поэтому я сосредоточу внимание на нескольких вопросах: изучение образа России в Китае, положение мигрантов и социально-экономическое развитие России².

Образу СССР/ России в Китае посвящены исследования упомянутого выше профессора Ли Суйаня (АОН провинции Хэйлунцзян). Ученый специализируется на вопросах истории российско-китайских культурных связей, через изучение которых он и вышел на тему отражения образа нашей страны в КНР. В 2013 г. им была издана книга «Образ России в Китае: 1949 – 2009» (Ли Суйань, 2013), ставшая неплохим введением для всех, изучающих данный вопрос. Автор выделил три периода в формировании имиджа СССР / России в КНР, которые хронологически полностью совпадают с приведенными выше этапами развития русистике в Китае. Наибольший интерес представляют выводы Ли Суйаня о современном образе России в КНР. Даже беглый взгляд на работы Ли Суйаня показывает, что современный образ России в Китае стал многомерным и основан на восприятии отдельных элементов опыта сотрудничества с нашей страной. Например, китайцам нравятся русские женщины, российская природа, культура и «цивилизованный народ» (Ли Суйань, 2013. С. 253 и сл.). В 2000-е годы на восприятие образа РФ стал оказывать влияние и имидж президента В.В. Путина, который снискал любовь в обывательской среде. В отличие от предшествующих периодов помимо положительных, сформировались и иные представления. В первую очередь, о небезопасности нашей

¹ Интересно отметить, что в СССР в этот период (1966 г.) происходит создание Института Дальнего Востока АН СССР (на базе Отдела Китая Института востоковедения) и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР (г. Владивосток, 1971 г.), в составе последнего был открыт Отдел истории и культуры Китая, специализирующийся на изучении истории Северо-Восточного Китая и двусторонних приграничных отношениях.

² С рядом работ хэйлунцзянских ученых можно ознакомиться в журнале «Россия и АТР» (1999, № 3; 2001, № 4; 2002, № 2 и др.), а также в обзоре С.А. Иванова, посвященному анализу содержания журнала «Сиболля яньцзю» (Иванов, 2011).

страны. Это мнение сформировалось в 1990-е в связи с развитием китайской торговли в России (Ли Суйань, 2013. С. 328). Негативные эмоции вызывает также недоверие со стороны россиян и в ряде случаев властей, распространенность идеи желтой опасности (Ли Суйань, 2013. С. 328. См. также: Веремейчик, 2014).

Следует отметить, что в официальных СМИ провинции Хэйлунцзян (можно с уверенностью говорить и о центральных СМИ КНР) в настоящее время поддерживается довольно нейтральный образ России. Часто публикуются материалы, связанные с сотрудничеством в сфере культуры, оценивающийся очень высоко. Так же не мало материалов о китайско-российских отношениях, контактах России с третьими государствами. Чаще всего такие публикации носят информационный и как правило безоценочный характер (хотя выбор информационной повестки сам по себе играет роль в формировании имиджа) (подробнее см.: Ставров, 2017).

Довольно много внимания уделялось изучению иммигрантов в России, что в немалой степени было связано с волной китайских трудовых мигрантов в 1990-е – 2000-е годы. В наше время поток публикаций на эту тему по понятным причинам упал, однако сами статьи и монографии представляют интерес, в том числе и при изучении формирования имиджа России в Китае. Так, этой теме посвящена монография Юй Сяоли «Современное состояние иммигрантов в России» (2015). Книга вышла в издательстве Хэйлунцзянского университета, а сам автор является научным сотрудником Центра русской филологии и культуры. Работа состоит из семи глав, в которых поднимаются проблемы ксенофобии в российском обществе, миграционной политики, а также политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, эволюции мер в сфере регулирования трудовой миграции. Отдельная глава посвящена китайской миграции в Россию. В книге обращается внимание на рост ксенофобии в России, что связано, по мнению автора, с волной трудовой миграции из ближнего и дальнего зарубежья в 1990-е годы. Несмотря на спад миграции с начала 2000-х годов негативная инерция в отношении иммигрантов сохраняется. Эти тенденции автор объясняет историческими и этническими причинами. В первом случае, это своеобразный национализм титульной нации, а во втором – страх раствориться, утратить свою культуру, особенно в периферийных областях (Юй Сяоли, 2015. С. 3 – 9). Работа в целом носит компилятивный характер, основными источниками для ее написания послужили статьи (нередко публицистические) и монографии российских исследователей – А.Г. Ларина, Ж. Зайончковской, В.И. Мукомеля, Э.А. Паина и других и автор идет вслед теоретических построений перечисленных авторов. Китайскую историографию, во

всяком случае, региональную, отличает некоторая несамостоятельность, низкий теоретический уровень и частые компиляции (см.: Иванов С.А. (2011)).

Ряд монографических исследований посвящены социальным проблемам России. В книге Чэн Хунцзэ (ХОАН) «Демографическая структура Дальнего Востока России» (Харбин, 2014) изучаются демографические проблемы дальневосточного региона. Автор рассмотрела тенденции изменения демографической структуры Дальнего Востока, состояние здоровья населения, проблемы занятости и безработицы, миграции и миграционную политику в регионе.

Попытку компаративного исследования социальной структуры Китая и России предпринял Дяо Лимин (Хэйлунцзянский университет, Дяо Лимин, 2015). Автор изучил современную исследовательскую литературу по обозначенному вопросу, обобщил основные результаты исследований. В исследовательской части Дяо Лимин сравнивает демографические характеристики обществ Китая и России: половозрастную образовательную, профессиональную структуру, динамику численности населения, а также стратификацию населения по их доходам.

Заключение

Расположение провинции Хэйлунцзян на границе между Китаем и Россией стало важной предпосылкой развития руссиеведения в регионе. В первой половине XX в. русскими эмигрантами и служащими КВЖД был заложен фундамент системы подготовки специалистов-руссиеведов. В период КНР в регионе были образованы научный и учебно-научный центры руссиеведения: ХАОН и Хэйлунцзянский университет. На рубеже XX – XXI вв. произошло расширение приграничных контактов: туризма, торговли и т.п. В связи с этим в провинции расширился перечень университетов, производящих подготовку русистов, в основном переводчиков. Однако такое расширение не привело к качественному изменению руссиеведческих исследований, они по-прежнему производятся главным образом в ХАОН и Хэйда.

Исследовательские интересы хэйлунцзянских ученых охватывают многие аспекты российской действительности: будь то вопросы приграничного сотрудничества, социальной, демографической, культурной сферы. Однако нередко исследования носят компилятивный характер и написаны на довольно низком теоретическом уровне. Тем не менее, производство и распространение знаний о России способствует развитию двусторонних связей и создают предпосылки для совершенствования российско-китайских отношений.

Список литературы:

刁利明。(2015) 中俄社会结构比较研究。 - 哈尔滨：黑龙江大学出版社, 2015. – 204 页。(Дяо Лимин. Сравнительный анализ социальной структуры Китая и России. – Харбин: Хэйлунцзян дасюэ чубаньшэ, 2015. – 204 с.)

李随安。(2012) 中国的俄罗斯形象：1949– 2009。 - 哈尔滨：黑龙江教育出版社, 2012. – 487页。(Ли Суйань. Образ России в Китае: 1949 – 2009. – Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 2012. – 487 с.)

黑龙江省社会科学院 (Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян) (ХАОН). Retrieved from <http://www.hlass.org.cn/>

黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心 (Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры при Хэйлунцзянском университете) (НИЦРФК). Retrieved from <http://rlls.hlju.edu.cn/index.asp>

俄语学院 (Институт русского языка). Retrieved from <http://www.hlju.edu.cn/info/1054/1301.htm>

于晓丽。(2015) 俄罗斯外来移民现状研究。哈尔滨：黑龙江大学出版社, 2015. – 221 页。(Юй Сяоли. Современное состояние иммигрантов в России. - Харбин: Хэйлунцзян дасюэ чубаньшэ, 2015. – 221 с.)

Бу Пин. (1999) Структура Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян // Россия и АТР. – 1999. - №3. – С. 45 – 47.

Веремейчик, А.С. Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах ученых КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. - №1. – С. 50 – 56. Retrieved from http://ojkum.ru/arc/lib/2014_01_06.pdf

Габуев, А. (2014) Китайские советы. На какой интеллектуальный ресурс опирается Пекин при выработке политики в отношении Москвы. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/2584423>

Галенович, Ю.М. (2011) Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. – М.: Восточная книга, 2011. – 416 с.

Галенович, Ю.М. (2011a) Современное россиеведение в КНР // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: Тез. докл. XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». – М.: ИДВ РАН, 2011. С. 23 – 27.

Иванов, С.А. (2011) Изучение современного приграничного и межрегионального сотрудничества Востока России и Северо-Востока Китая (по материалам журнала «Сиболияньцзю») // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей.

Труды ИИАЭ ДВО РАН. Сер. Востоковедение. Т. XV. – Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 78 – 94. Retrieved from http://ihaefe.org/files/publications/full/ihaefe_orientalistic_works.pdf

Иванов, С.А. (2015) Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979 – 2009): дис... канд. ист. наук. – Владивосток, 2015. – 277 с.

Комиссина, И.Н. (2012) Научные и аналитические центры Китая: Справочник. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.

Ларин, В.Л. (2006) В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. - Владивосток: Дальнаука, 2006. - 424 с.

Ли Суйань. (2014) История изучения внутренней и внешней политики СССР/РФ в провинции Хэйлунцзян // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – Вып. XIX. – М.: ИДВ РАН, 2014. С. 326 – 335.

Ставров, И.В. (2017) Образ России на страницах газеты «Хэйлунцзян жибао» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 1. – С. 54 – 60. Retrieved from http://ojkum.ru/images/articles/2017-1/2017_1_0040-06.pdf

Тен, Н. (2016) От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 296 с.

Тихвинский, С.Л. (2012) Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 6. Дополнительная. – М.: Наука, 2012. – 376 с.

Чжан Сюцзе. (2006) Современное положение и перспективы торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией / пер. с кит. О.Н. Рябченко // Россия и АТР. – 2006. - №1. – С. 119 – 124. Retrieved from <http://www.riatr.ru/2006/2006-1-WEB/15p119-124.pdf>

Чжан Цзунхай. (2001) Русская православная церковь в Харбине // Россия и АТР. – 2001. - №4. – С. 102 – 103.

**RUSSIAN STUDIES OF CHINESE BORDERLANDS (ABOUT
RUSSIAN STUDIES IN HEILONGJIANG PROVINCE)**

Stavrov I.V.

Stavrov Ivan Valerievich, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far East of FEB RAS, 690001, Vladivostok, Russia, Pushkinskaya, 89. E-mail: stavivan@yandex.ru

The article is devoted to the study of the current situation in the field of Russian studies in Heilongjiang Province (PRC). The border location of Heilongjiang Province has become an important prerequisite for the development of Russian studies in the region. In the first half of the twentieth century Russian emigrants and employees of the CERW laid the foundation of the system of training specialists in Russian studies. The scientific and educational centers of Russian studies were established in the region in the period of the PRC: HASS and Heilongjiang University (Heida). There was an expansion of border contacts at the turn of the 20th - XXI centuries: tourism, trade, etc. In this regard, the province has expanded the list of universities that produce the training of specialists of Russian studies, mainly translators. However, this expansion did not lead to a qualitative change in Russian studies, they are still produced mainly in HASS and Heida.

The research interests of Heilongjiang scholars cover many aspects of Russian reality: be they cross-border cooperation, social, demographic, cultural issues. However, studies are often compilational character and written at a fairly low theoretical level. Nevertheless, the production and dissemination of knowledge about Russia contributes to the development of bilateral relations and creates prerequisites for improving Russian-Chinese relations.

Key words: Russian studies, PRC, Heilongjiang province, Russian-Chinese border region, Russian image of China.

References:

刁利明。(2015) 中俄社会结构比较研究。 - 哈尔滨：黑龙江大学出版社, 2015. – 204 页。(Diao Liming. Comparative Analysis of Social Structure of China and Russia. – Harbin: Heilongjiang daxue chubanshe, 2015. – 204 p.)

李随安。(2012) 中国的俄罗斯形象：1949– 2009。 - 哈尔滨：黑龙江教育出版社, 2012. – 487页。(Li Suian. The Image of Russia in China. – Harbin: Heilongjiang jiaoyu chubanshe, 2012. – 487 p.)

黑龙江省社会科学院(Heilongjiang province Academy of Social Sciences). Retrieved from <http://www.hlss.org.cn/>

黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心 (Research Center of Russian Philology and Culture at Heilongjiang University). Retrieved from <http://rlls.hlju.edu.cn/index.asp>

俄语学院 (Institute of Russian Language). Retrieved from <http://www.hlju.edu.cn/info/1054/1301.htm>

于晓丽。(2015) 俄罗斯外来移民现状研究。哈尔滨：黑龙江大学出版社，2015。 – 221 页。(Yu Xiaoli. The Current Condition of Immigrants in Russia. – Harbin: Heilongjiang daxue chubanshe, 2015. – 221 p.)

Bu Ping. The Structure of the Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province // Russia and the Pacific. – 1999. - №3. – P. 45 – 47.

Gabuev, A. (2014) Chinese advice. On what intellectual resource does Beijing base in developing a policy towards Moscow. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/2584423>

Galenovich, Yu.M. (2011) Russia in “Chinese mirror”. Interpretation in the PRC of the history of Russia and Russian-Chinese relations at the beginning of the XXI century. – M.: Vostochna yakniga, 2011. – 416 p.

Galenovich, Yu.M. (2011a) China’s Contemporary Russian Studies // China's century path to progress and modernization: XIX International scientific conference "China, Chinese civilization and world". – M.: IFES RAS, 2011. P. 23 – 27.

Ivanov, S.A. Research on Cross-Border and Trans-Regional Cooperation between the Russian Far East and China’s North-East in “Journal of Siberian Studies” // Problems of China History and International Relations in Chinese Scholars Studies. Works of IHAЕ FEB RAS. Oriental Series. Vol. XV. – Vladivostok: Dalnauka, 2011. P. 78 – 94.

Ivanov, S.A. (2015) The participation of Heilongjiang Province authorities in Russian-Chinese economic cooperation (1979 – 2009): diss... cand. hist. sci. – Vladivostok, 2005. – 277 p.

Komissina, I.N. (2012) Scientific and Analytical Centers of China: reference book. – M.: RISI, 2012. – 266 p.

Larin, V.L. (2006) In the Shadow of the Dragon Awaken: the Russian-Chinese Relations of the 20th – 21st Centuries. – Vladivostok: Dalnauka, 2006. – 424 p.

Li Suian. (2014) History of the study of domestic and foreign policy of the USSR / RF in Heilongjiang Province // China in world and regional politics. History and modernity. – Issue XIX. – M.: IFES RAS, 2014. – P. 326 – 335.

Stavrov, I.V. (2017) The image of Russia in the “Heilongjiang Daily” // Ojkumena. Regional researches. – 2017. - № 1. – P. 54 – 60. Retrieved from http://ojkum.ru/images/articles/2017-1/2017_1_0040-06.pdf

Ten, N. From Pushkin to Putin: Russia’s Image in Contemporary China. – M: NovoeLiteraturnoeIzdatel’stvo, 2016. – 296 p.

Tikhvinsky, S.L. Selected Works: on 5 volumes. Vol. 6. Additory. – M.: Nauka, 2012. – 376 p.

Veremeichik, A.S. (2014) Contemporary Chinese migration to Russia in PRC's researchers works // Ojkumena. Regional researches. – 2014. - №1. – P. 50 – 56. Retrieved from http://ojkum.ru/arc/lib/2014_01_06.pdf

Zhang Xujie. (2006) The current situation and prospects for economic and trade cooperation between Heilongjiang Province and Russia // Russia and the Pacific. – 2006. - №1. – P. 119 – 124. Retrieved from <http://www.riatr.ru/2006/2006-1-WEB/15p119-124.pdf>

Zhang Zonghai. The Russian Orthodox Church in Harbin // Russia and the Pacific. – 2001. - №4. – P. 102 – 103.

**VIOLATING PROHIBITIONS OF TRADITION: REAL FRONTIERS
AND IMAGINED BORDERS OF NATIONALISM STUDIES**

Kyrchanoff M. W.

Kyrchanoff Maksim W. Voronezh State University, Voronezh, Russia, 394000,
Pushkinskaia 16,
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

The author analyzes theoretical and methodological problems of modern historiography of nationalism. Nationalism Studies are among the dynamically developing areas of Humanities. The author tries to answer the question why the nationalisms of the minor nations are more popular among historians than the nationalisms of the greater nations. The author believes that the origins of these theoretical and methodological contradictions can be localized and mapped in the early history of the academic Nationalism Studies. Marxist theories of nationalisms and nations became historical precursors of modern Nationalism Studies. The author believes that Marxist attempts to classify and typologize nationalisms, to imagine bourgeois nationalisms and nationalisms of the oppressed nations preceded academic classifications of nationalism as civil and ethnic trends and ideologies historically. The author suggests that some academic and pseudo-academic journals try to imagine the nationalisms of the greater nations as new subjects of academic studies, but this attempt was unsuccessful because the “new imperial history” actually became a private case of constructivism and modernism. The author believes that political conjuncture stimulates formal debate and inspires a new agenda in Nationalism Studies, but there are no real changes because the academic community is too stable and conservative.

Keywords: nationalism, Nationalism Studies, modernism, constructivism, “minor” and “greater” nations

Nationalism – universal actor: political stimuli of new agenda.

The English and French revolutions, which have dubious and contradictory reputations of the bourgeois ones, inspired the rise and progress of nationalism in Europe and the Americas, and the political events of the 19th century cemented the status of nationalism as an important factor in political processes and turned it into the actor of international relations. Almost immediately after its inception, nationalism became the object of numerous studies and political speculations. It is extremely difficult to overestimate the role of nationalism in the formation of the modern civilization because the state borders and nation-states of the modern world became the consequences of widespread triumph and the rapid rise and further developments of nationalism. The referendum on the exit of Britain

from the European Union in 2016, the political events in Catalonia in the autumn of 2017 that forced the central authorities to abolish the autonomy of the region – all these factors indicated that the nationalisms of the great nations were forgotten too early and empires with the imperial ambitions of political elites did not become the property of history.

Nationalism Studies: heroes and outsiders.

Nationalism Studies in this intellectual situation in the Western and partly Russian academic discourse developed unevenly. National historiographies of nations and states became the consequences and results of the development of nationalism and the successes of nationalist modernizations and transformations prefer to analyze the history of nationalisms of the minor nations and oppressed groups. The range of opinions and interpretations in this situation can vary from socially and economically determined Marxist historiography to various neo-Marxist trends, including modernism and constructivism. International historiography also prefers to analyze these nationalistic experiences, histories, ideologies and movements. The history of Nationalism Studies has its heroes and marginal outsiders. If the number of academic texts on the Ukrainian, Latvian, Tatar and any other nationalisms of minor and historically oppressed unequal groups is relatively large, then Russian, German, Castilian, and British nationalisms became the central themes of nationalism less often than those nationalisms that were their historical opponents.

What is this article about?

The author will analyze some features of modern historiography of nationalism and collective preferences of historians of nationalism in the formation of a collective agenda and the choice of subjects and problems for their studies in this article. An analysis of the dominance of modernist and constructivist approaches in studies focused on the analysis of nationalisms of the minor nations is the main objective of this article. The tasks of the article are following: the study and comparison of quantitative indicators in modern studies of nationalism in the context of leading interdisciplinary journals; analysis of the reasons of the sustained interest in the formally liberating nationalisms of oppressed groups; analysis of the reasons for the marginalization and ignorance of histories of nationalisms of the dominant nations and ethnic groups in the modern historiography of nationalism.

The minor nationalisms as the central heroes.

The modern historiography of nationalism is extremely extensive and academic texts focused on the histories and developments of nationalism in the 18 - 21 centuries are methodologically and theoretically diverse. Several

theoretical approaches, including primordialism, constructivism, modernism, and ideologism, arose in Western Nationalism Studies. Academic Nationalism Studies almost exist and develop in ideologically and politically motivated external conjuncture. The historical logic of the development of nationalism and the political processes in Europe and the Americas in the 18th and 19th centuries and the events in Asia and Africa in the 20th century turned the nationalisms of the minor nations and politically unequal and oppressed ethnic groups and communities into the most attractive objects of academic research.

Modernist and constructivist approaches became classical in Nationalism Studies and they historically arisen and formed their reputation because several generations of historians preferred to study how nationalisms created nations and the ideas of political independence and state sovereignty progressed from Latin America to Southeast Asia, from the Baltic and Scandinavian peripheries of Europe to the postcolonial societies of Africa. One feature united all these geographically remote and formally very different nationalistic experiences: nations became the inevitable consequences of the development, success and triumph of the nationalism of the minor oppressed groups that were very active in the struggle for independence and the right to be nations and nation-states.

Assuming that someday the universal world history of nationalism will be written, it will inevitably be a modernist and constructivist history of the nationalisms of the oppressed groups that were ambitious and resolute enough to change their unequal statuses and become political nations and nation-states. Statistically and quantitatively, Nationalism Studies of formally minor nations prevail among the corpus of numerous texts on the history of nationalism. Formally, the modern globalizing world proclaims the primacy of rights and freedoms, but numerous historians of nationalism prefer to analyze the nationalistic experiences of those communities and groups that were victims of national discrimination and oppression. On the one hand, national historiographies reproduce and cultivate ethnocentric versions of history, which turns nationalism into one of the main actors of the historical process. On the other hand, the international informal community of historians of nationalism also prefers to study different models of nationalist modernizations that transformed oppressed and unequal groups into modern nations and nation-states.

The Latvian, Lithuanian, Tatar, Catalan, Galician, Chuvash or Welsh nationalisms are equally attractive to historians of nationalism because the history of these nationalisms actualizes common features and patterns simultaneously, evidencing the historical inevitability of the crisis of traditional societies and identities and their transformations into nations and nation-states. The nationalisms of the minor nations that were victims of

oppressions and discriminations monopolized the status of the most attractive objects for academic analysis of nationalist experience. The unwritten general history of nations and nationalisms will be modernistic and constructivist inevitably in this intellectual situation. European, American and non-Western nations as imagined communities and invented traditions inspired by nationalist modernizations will be its main characters, but the nationalisms of the greater nations with their imperial experiences and heritages will be inevitable victims of intellectual marginalization.

Different journals – the same heroes...

These general trends in the development of nationalism studies significantly influenced, on the one hand, academic interdisciplinary journals focused on nationalism, defined the trajectories of their development. On the other hand, the classics of the Nationalism Studies preferred to analyze the nationalisms of the minor oppressed groups. Individual trajectories of academic biographies of the founding fathers (Gellner, 1987; Gellner, 1995; Anderson, 2006; Anderson, 2005) of modern interdisciplinary Nationalism Studies actualize the collective preferences of the community to study nationalisms of the minor nations precisely, ignoring or underestimating the role of the greater nationalisms. The first specialized journals appeared in the 1970s. “The Canadian Review of Studies in Nationalism” was published from 1973 to 2004. Another journal, “Nationalities Papers”, was founded in 1971. “Ethnicities”, “Ethnopolitics”, “Ethnic and Racial Studies”, “Journal of Ethnopolitics and Minority Issues in Europe”, “Nationalism and Ethnic Politics”, “National Identities”, “Nations and Nationalism”, “Studies in Ethnicity and Nationalism” are the leading international and interdisciplinary journals in modern Nationalism Studies.

“Voprosy natsionalizma”, “Ab Imperio”, “Rossiiskii zhurnal issledovaniy natsionalizma”, “Neprikosnovennyi zapas”, “Krytyka”, “Arche” and other journals of Russia, Ukraine, Belarus, Central and Eastern Europe, the Balkans form regional agendas in the Nationalism Studies, but methodologically and theoretically the intellectuals of these regions reproduce Western conceptual approaches to nationalism. These journals prefer to position themselves as academic and therefore constructivism and modernism became for them universal languages that define the mode of nationalism’s history writing. Most of these journals focus on the analysis of nationalisms of nations, who were non-citizens of empires and suffered from discrimination. Some of these journals serve national discourse in historical and political memory. “Voprosy natsionalizma” and “Ab Imperio” are exceptions from this logic of Nationalism Studies. “Ab Imperio” specializes in studies of imperial history and actualizes the historical roles and factors of

Russian nationalism, and “Voprosy natsionalizma” does not hide their ideological preferences.

Canadian Review of Studies in Nationalism: roots of the canon.

The history of the “Canadian Review of Studies in Nationalism”, published from 1973 to 2004, actualized the theoretical and methodological contradictions between the minor and greater nationalisms as objects of academic studies. Thirty-one volumes of this journal were published by 2004. The death of Thomas Spira (1923-2005), the mastermind and editor of this journal, caused the termination of the regular publication of this journal. The history of this first journal focused on the analysis of the history of nationalism actualized the methodological problems in interdisciplinary Nationalism Studies. 447 articles and reviews were published in the “Canadian Review of Studies in Nationalism” from 1973 to 2004.

Thematically, the texts focused on the history of regional and peripheral nationalisms dominated in this journal, where articles on the nationalisms of the greater nations were extremely rare. Articles on nationalisms of the formally greater nations dissolve in the contexts of more frequent studies focused on regional anti-imperial and liberation nationalisms. Only 45 articles, a little more than 10%, out of 447 were focused on the problems of history and ideology of American (Allen 1987; Berens, 1975/1976; Berens, 1979; Bouchard, 2002; Bumsted, 1979; Klein, 1979; Kuehl, 1974/1975; Lunde, 1981; Merritt, 1979; Nagel, 1974/1975; Osofsky, 1973/1974; Sahadeo, 2004; Stein, 1973/1974; Stuart, 1979; Turner, 1986; Van Alstyne, 1979), German (Burkhardt, 1974/1975; Buse, 2004; Buse, 2003; Buse, 1987; Fletcher, 1982; Hoover, 1987; Keyserlingk, 1978; Low, 1990; Low, 1975/1976; Olson, 1973/1974; Wagner, 1973/1974), Russian (Arel, 2003; Black 1973/1974; Comrie, 1989; Dunlop, 1984; Jelavich, 1989; Kirchner, 1988; Pospelovsky, 1984; Ruud, 1973/1974), British (Heathorn, 1996; Hoover, 1993; Johnson, 1992; Walker, 1986), Chinese (Low, 1982; Yip, 1982; Yip, 1983; Yip, 1983), French (Ryan, 1973/1974; Fink, 1983) nationalisms.

Other journals are focused on the academic analysis of nationalism, including “Nationalities Papers”, “Ethnicities”, “Ethnopolitics”, “Ethnic and Racial Studies”, “Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe”, “Nationalism and Ethnic Politics”, “National Identities”, “Nations and Nationalism”, and “Studies in Ethnicity and Nationalism” were not an exception to the universal logic proposed by “Canadian Review of Studies in Nationalism”. “Nationalities Papers” and “Ethnopolitics” are journals of the Association for the Study of Nationalities. “Nationalities Papers” brings together scholars worldwide working on nationalisms, ethnicities, ethnic

conflicts and national identities in Central Europe, the Balkans, the former Soviet Union, the Caucasus, the Turkic world and Central Eurasia.

“Ethnopolitics” is an authoritative peer-reviewed journal that provides a forum for serious debate and exchange on important issues that have had a decisive impact during the last decades of the 20th century and continue to be of great importance in the new millennium. “Ethnopolitics” covers all geographic areas and try to maintain a fair balance between analyses of theoretical problems and case studies in a comparative and singular perspectives. “Nationalities Papers” publishes contributions on theories of nationalism, comparative studies of nationalism, and trans- and supranational aspects of interethnic relations and national identity. “Ethnopolitics” focuses on the different aspects and dimensions of analysis, management, settlement, and prevention of ethnic conflicts, on minority rights, group identities, the intersection of identity group formations and politics.

“Ethnopolitics” declares the necessity of studies of minority and majority nationalisms in contexts of transitions to democracy and stability of states and regions where different nationalisms are active¹. Formally, Western journals focused on Nationalism Studies tend not to limit themselves in states and regions, analyzed in the articles, they accept for publication and simulate a variety of topics, but the nationalisms of the minor nations inevitably dominate. The origins and causes of this situation are diverse, but the author presume that it is logical to map them in the early history of the interdisciplinary analysis of nationalism or even in the birth traumas of the academic perception of nationalism that arose historically as a late and remote periphery of the Marxist ideological approach to the national question.

Nationalism Studies and their Marxist origins.

Modern Nationalism Studies relate to Marxism genetically and classics of the genre, including Ernest Gellner (Gellner, 1983), Eric Hobsbawm (Hobsbawm, 2012), Benedict Anderson (Anderson, 1983) tended to the Marxist methodology. Vladimir Lenin (Lenin, 2013) and Iosif Stalin (Stalin, 2013) proposed an ideologically motivated explanation of nationalism in the first quarter of the 20th century.

Their ideas took into account social and economic factors and significantly influenced further academic studies of nationalism. Probably Vladimir Lenin and Joseph Stalin did not realize and understand themselves that their ideas later will became very popular among liberal historians of nationalism and nations several decades later. They suggested that

¹ Ethnopolitics, <http://nationalities.org/publications/ethnopolitics>; Nationalities Papers, <http://nationalities.org/publications/nationalities-papers>

nationalisms can be divided into bourgeois ones and nationalisms of oppressed nations. If bourgeois nationalisms were imagined as politically and ideologically incorrect and alien by left politicians, then the nationalisms of the oppressed nations were perceived as potential correct. The compromise and alliance of the nationalists of the Bolsheviks after the revolution did not look unnatural in this intellectual context. This dichotomy of nationalism in Soviet ideology, on the one hand, became a pseudo-ritual mantra of the communist ideological faith.

On the other hand, attempts to typologise social and political phenomena, including nationalism, forced Western intellectuals involved in the Nationalism Studies to classify objects of their academic interests. They could not do it so radically and decisively as the Soviet authors did. Therefore, the Western Nationalism Studies operated with more neutral concepts, including civil and ethnic nationalisms. This dichotomy predetermined the preferences of subsequent generations of historians of nationalism significantly who made a methodological and politically and ideologically motivated choice between the nationalisms of the minor oppressed groups and the nationalisms of the greater nations that had their own political institutions and played the role of oppressors and enemies of the minor alternative nationalisms.

Civil vs ethnic.

Russian post-Soviet journals were not able to avoid contradictions between the minor and greater nationalisms as objects of academic studies. This dichotomy and dependence of academic preferences became the result of a semi-unconscious division of nationalism into right and wrong. Roger Brubaker (Brubaker, 1998) tried to challenge this extremely stable stereotype, but his vivid and interesting conclusions and ideas remained unnoticed and ignored because the basic trajectories of the development of international interdisciplinary Nationalism Studies remained stable and practically unchanged, and the nationalisms of the minor nations retained their status of the priority research object, consistently reproducing a political myth and an ideological stereotype about the dangerous and predominantly ethnic nationalism of the greater nations.

Civil nationalisms are imagined as correct ones that emerged as a consequence of national and liberation movements seeking to liberate the minor and unequal oppressed groups, turning them into nations and national or nationalizing states. The nationalisms of the greater nations, unlike the nationalisms of the minor ones, got negative reputations in historiography and the origins of this situation can be localized in the historical era of active political and ideological confrontation of imperial and liberation nationalisms. When the nationalisms of the minor nations combined with

social-political ideologies and liberation movements, the nationalisms of the greater nations became political and social class enemies and opponents for them simultaneously.

Different journals – the same heroes: the post-Soviet case.

Methodological and theoretical prejudices and disregards for the academic studies of the greater nationalisms have political origins and ideological backgrounds. Formally, “Ab Imperio” and “Voprosy natsionalizma” are very different journals, but they symbolize the two poles that arose in the post-Soviet studies of nationalism. “Voprosy natsionalizma” in the modern intellectual situation became an attempt to combine academic and nationalist discourses. The journal did not become a collection of marginal nationalist publications, but its publishers and editors try to promote the image of a nationally oriented intellectual magazine.

Konstantin Krylov, the editor of “Voprosy natsionalizma”, declares: “the essence of the journal and its mission is the creation of a theoretical body of Russian nationalists, primarily the Russian national liberation movement or the National Democrats... and the creation of a research journal... all Studies in this area are conducted by people engaged and malevolent and we need some alternatives, including an academic one... and finally, it is a historical magazine, one of its missions is to acquaint our readers with little-known pages of the history of Russian social thought and Russian politics also. All three missions are in rather complex relationships”¹. “Ab Imperio” positions itself as an academic journal and its editors declare that it is «an international humanities and social sciences peer-reviewed journal dedicated to the studies in new imperial history, and interdisciplinary and comparative study of nationalism and nationalities in the post-Soviet space»².

“Voprosy natsionalizma” in this intellectual situation became the first academic and pseudo-academic attempt to shake the pride of the minor nationalisms and overcome prejudice against the nationalisms of the greater ones, but these efforts of Russian intellectuals were almost vain and hopeless because they had an exclusively local effect. Despite the fact that the inspirers of “Voprosy natsionalizma” believed that it would become the intellectual mouthpiece of Russian nationalism, they were smart enough to abandon radical autarky. Therefore, “Voprosy natsionalizma”, apart from articles on Russian nationalism, its cultural and intellectual histories, the archaeology of ideas and the modern nationalist agenda, were opened to articles on foreign nationalistic experience, but the influence of modernism

¹ Krylov, Konstantin. Ot redaktora, <http://vnatio.org/>

² Program Statement, <https://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=portal/journal/mission&idlang=1>

and constructivism was so great that the authors of journal preferred to write about the nationalisms of peripheral minor nations in the contexts of social and cultural constructivism.

Thematically, “Ab Imperio” specialize in problems of imperial history primarily in its numerous and sometimes mutually exclusive contexts of Russian nationalisms and nationalisms of ethnic minorities. Despite the desire to study the various forms and dimensions of the Russian imperial political, social and cultural experience, “Ab Imperio” publish texts focused on particular cases of non-imperial and anti-imperial nationalism which imagined and invented nations as parts of a political alternative project of a nation-state. Editors of “Ab Imperio” imagine it as “a journal for slow writing”¹. “Voprosy natsionalizma” as a nationalistic magazine actualizes the European intellectual levels of Russian nationalist discourse in this situation.

On the one hand, “Voprosy natsionalizma” became an interesting and successful intellectual project, but they could not overcome the birth trauma and inertia of intellectuality, which prevented the journal from becoming truly academic. The subjective choice of authors also assists to the marginalization of “Voprosy natsionalizma” because journal cooperates with academic authors and frankly marginal figures. The desire to position “Voprosy natsionalizma” as a magazine of Russian nationalists about Russian nationalism stimulates the marginalization of the journal and predetermines the fact that serious authors tend to ignore it. In contrast to the “Ab Imperio,” it became a magazine with universalist claims when “Ab Imperio” consciously and intentionally reduces the phenomenon of the empire to post-Russian political, cultural and intellectual spaces. “Voprosy natsionalizma” periodically forced to actualize the problems of the history and ideology of foreign nationalisms with an extremely wide geography (Ivashkin, 2011; Shlykov, 2011; Serigichev, 2011).

Despite these contradictions, “Voprosy natsionalizma” could become a serious and pretentious attempt to actualize the problems of history and the actual state of Russian nationalism as the invisible and silent nationalism of the majority. The methodological and theoretical language in particular and the ideological message of “Ab Imperio” in general distinguishes it from “Voprosy natsionalizma” radically. If the first journal is primarily an intellectual project, the second one became more political and ideological because its editors do not hide their Russian nationalistic preferences and sympathies. “Ab Imperio” in contrast to “Voprosy natsionalizma” openly plays its academic and intellectualist reputation and braves, for example, the fact that “in 2013 ‘Ab Imperio’ published just under 25% of all submitted

¹ Zdravstvui, brat. Pisat' ochen' trudno, <https://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=portal/journal/call&idlang=2>

articles, including those that were completely rewritten by the recommendations of external reviewers”¹.

Despite the fact that “Ab Imperio” is formally a Russian journal and it publishes texts in Russian, academic discourse, it belongs to, has much in common with the Western historiography of nationalism and the texts published by it in Russian have more in common with translations from English. In fact, “Ab Imperio” imitates the Russian academic journal, being Western in form and content. Despite these significant differences, actually “Voprosy natsionalizma” and “Ab Imperio” have a lot in common because they became a kind of cultural reservations for their authors. “Voprosy natsionalizma” stimulates the image of a moderate nationalistic magazine, and the reputation of “Ab Imperio”, published with the grant support of various funds, is too flawless among liberal Russian scholars, but the magazine is not very popular among Russian nationalists.

If “Voprosy natsionalizma” publish texts focused on the minor nationalisms of the West, preferring to publish mostly articles on the phenomenon of Russian nationalism, then “Ab Imperio” on the contrary deliberately avoids publishing studies on the nationalistic experiences of the minor nations. “Voprosy natsionalizma” became an attempt to talk about the experience of the minor nationalisms in the language of Russian nationalism as a nationalism of a great nation, when “Ab Imperio” was an attempt to academicize the political language of nationalism by covering and disguising it in formal decorous and garments of academic “new imperial history”. “Ab Imperio” in this intellectual context carefully and consistently adheres to the principles of thematic purism. “Ab Imperio” and “Voprosy natsionalizma” could not keep the ideological purity in particular, although it is unlikely that the editors had this task in general.

Attempts to publish a journal devoted to the nationalism of the greater nation solely, for example, Russian nationalism in its historical dimension, or modern national-democratic version, were doomed to failure and collapse. The origins of this fiasco root in the methodology because constructivist and modernist approaches dominate in interdisciplinary and international Nationalism Studies. The methodological language and the political and ideological message of modernism turned out to be so universal, inevitable and ubiquitous that the nationalisms of the greater nations as objects of academic analysis lose, on the one hand, in competition with the anti-imperial nationalisms of the minor nations, but when historians begin to study the nationalisms of the greater nations, they, on the other hand prefer to put them in the Procrustean bed of modernism and constructivism between Scylla of imagined communities and Charybdis of invented traditions, which

¹ Avtorskoe soglasenie, <https://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=portal/contributor#1&idlang=2>

automatically deprive them their primordial sacredness and converted into special and even private cases of nationalism because its tendencies are universal and do not depend on the formal size of nation.

Imitating it, simulating it: dead ends of post-Soviet historiography.

In fact, a new imperial history in the post-Soviet Humanities in general and Nationalism Studies, in particular, became a localized imitation and simulation of the constructivist and modernist approaches. The new imperial history did not offer and could not propose new modes and languages of imagination and invention of empire, nation and nationalism because it became the secondary private case of the theories proposed in the 1980s by Ernest Gellner and Benedict Anderson.

The new imperial history used the approaches proposed for analyzing nationalisms of the minor nations, transplanting them primitively into the contexts of the history of the Russian Empire and post-imperial spaces. Attempts of “Ab Imperio” to revive interest in the history of the greater nationalisms were originally doomed to failure because inspirers of this project used the language proposed originally for the analysis of nationalisms that developed and existed in other systems of coordinates. Actually, the transplantation of the constructivist and modernist approaches to the analysis of the history of the Russian Empire as a formally national political project of the greater nation desacralized the history of the Russian political nation and deprived it of pseudo-religious holiness. The methodological triumph of modernism integrated histories of modern empires and nationalisms of the greater nations into constructivist perceptions of nationalism.

The historiographical destiny of nationalisms of formally imperial nations actualizes the universality of the modernist and constructivist approaches in modern interdisciplinary international Nationalism Studies. Brazilian and Ottoman Empire became the first victims of modernization and triumph of the political nations and nation-states. The crisis of archaic and traditional imperial identities and forms of organization of political and cultural spaces organized and inspired euthanasia of Brazilian and Ottoman Empires. The Brazilian and Turkish political classes attempted to institutionalize nation-states in their Western version.

These political aspirations and ideological ambitions predetermined the historiographical destinies of empires and the imperial political and cultural heritages. Constructivist and modernist languages of the imagination of nationalism and the nation became the only languages of understanding and rethinking the imperial heritage in Brazilian and Turkish nationalisms. Despite the universality of modernism and constructivism, these theoretical languages in invention and imagination of empires and imperial political and

historical experiences and heritages continue to be marginal in the same intellectual backgrounds of numerous and mutually exclusive legacies of the Russian Empire. Russian intellectuals chose to abandon the deconstruction of the imperial legacy and they were not able to imagine and invent the Empire and imperial experiences and they did not replace the empire and the principles of national and religious oppression and inequality by values of the nation-state. Actually, a new imperial history in this intellectual situation became a primitivized simulation and imitation of constructivism and modernism, despite the fact that it uses their theoretical and methodological principles and approaches.

Historiographical romancing the nationalism.

In fact, historians were among the most active and productive scholars of nationalism, but their involvement in academic studies of nationalism and direct participation in them, participation in the reproduction of formally scientific knowledge about what nationalism was and what it does not guarantee the objectivity of their results. A history is doomed to be nationalistic in the era of national states and historians in this intellectual situation inevitably begin to develop nationalist myths and stereotypes. History as the collective view of the past actualizes the contradictions in the imagination of identity and its inevitable invented traditions in a nation-states or nationalizing states. Historiography also mutated into the subject of politics, but the great times of historiography occur during the collapse of empires, or after heterogeneous empires ceased to exist and disintegrated into nation-states or nationalizing states with mutually exclusive versions of historical memory.

The role of historians and other intellectuals as formators of nations and identities becomes apparent and visible in transit societies, but historians, as representatives of a fairly conservative community, will again learn their craft only in exceptional cases and situations. The methodological and terminological models of nationalism history writing as the historical and social consequence of modernization, the collapse of empires and the progress of nation-states were very stable in the international historiography of nationalism and did not change until the early 1990s. Despite ideological contradictions and methodological features and differences, Western and Soviet historiographies of nationalism had a lot in common because they preferred to study the nationalisms of the minor nations and avoid the nationalisms of the greater ones, although the legitimization of this choice had different justifications. Imagination and the invention of history in transit societies in particular and democracies, in general, can cause and stimulate mobilization, legitimization, the politicization of national identity.

History was always used to legitimize political processes and states. Therefore, the formation of identity expresses itself in the interpretation of historical events, including the history of nationalism of the minor and the greater nations. History in these intellectual situations inevitably migrates from the sphere of pure science and moves to the centre of historical, political and ideological debates. Therefore, the history of nationalisms is the history of those who write about these nationalisms of the minor and the greater nations. Historians can play an outstanding role among the creators and adherents of nationalism, and their political heirs are forced to study their heritage and deconstruct the imagined historiographical narratives that became myths and common places in national memory.

The histories of the minor and the greater nationalisms in these cultural and intellectual situations became objects of intellectual manipulations, speculations and deconstructions. The participation of intellectuals in the imagination and invention of nations as communities and traditions, their undoubted contributions and impacts to the triumph of national myths and their later deconstruction determined the main vectors and trajectories of the development of the interdisciplinary Nationalism Studies. Participation of the first nationalists who were historians of their nationalism and nations, they belonged to, in the nationalist awakenings influenced significantly the fact that their modern remote post-post-modernist heirs and successors prefer to analyze the nationalisms of the minor nations and ignore the experience of nationalisms of the greater ones because the academic tradition and political inertia imagines the minor nationalisms as more politically correct and attractive objects of academic analysis.

The unrequited incentives of the sleeping nationalisms.

The political dynamics of the 21st century refuted the optimistic assumptions of liberals who believe in the triumph of the free world. Their collective belief that nationalism and ethnic conflicts will remain in the 20th century and become the heritage and heritage of history became illusory and insolvent. The war between Georgia and the Russian Federation in 2008 confirmed the fears of regional post-Soviet nationalists that Russian political elites perceive Georgia as a zone of Russian political influence exclusively. The events of 2014 – 2017 once again actualized the problems of nationalisms of the minor and the greater nations, their simultaneous coexistence in modern political realities as various political alternatives of two mutually exclusive objects of academic analysis in modern interdisciplinary Nationalism Studies. The international events of 2014 once again in the actual history put forward the potential of nationalism as a form of political and social movement in contexts of its confrontation with expansionist desires of other nationalisms as a form of imperial ideology.

The British referendum of 2016 made more visible the selfish backgrounds and roots of British nationalism, which preferred to ignore the interests of the minor regional nationalisms including Scottish and Welsh. The 2017 referendum in Catalonia proved that the successful democratization of Spain is no more than a political illusion and Castilian nationalism is not ready to tolerate ideological opponents represented by regional nationalisms. The ideological hysteria of the Spanish mass media also attests to the considerable potential of Castilian nationalism and the ability to consolidate society in the context of the threat of Catalan separatism.

The political hysteria in contexts of Ukrainian events also actualized the collective preferences of elites to use nationalism as a factor of political mobilization and consolidation. Political dynamics in Russia after the critical historical moment when Vladimir Putin became President constantly actualized the role of the ephemeral Russian nation and chimaeras of the Russian world. Vladimir Putin's regional policy in the national regions became a number of attempts to return to the strategy of Russification and ignorance of the rights of non-Russian nations and national languages became the core principles that determined the main directions of regional policy in the national republics.

The periodic attempts of the modern Russian ruling elites to tear down the leaders of post-soviet states actualizes that the Kremlin is not able to part with the principles and values of nationalism that are extremely attractive to it. These political processes practically did not affect the development of Nationalism Studies because the objects of research remained virtually unchanged and the nationalisms of the greater nations did not enter the number of central themes for historians of nationalism. Despite the activation of nationalisms of the greater nations, Russian, English, Spanish or German nationalisms are not among the priority topics of modern interdisciplinary Nationalism Studies. The modern community of historians of nationalism is not yet ready to formulate and propose a new agenda that would make it possible to study the minor and the greater nationalisms simultaneously, despite the fact that the constructivist and modernist approaches acquired a universal character and can be used to analyze the history of any nationalism.

Preliminary conclusions.

The modern historiography of nationalism and nations is predominantly modernistic and constructivist. Most of the texts on nationalism are focused on the history of nationalistic experiences and modernizations of the oppressed minor ethnic groups that transformed into political nations and nation-states. The reasons for the popularity of the minor nations as objects of analysis are controversial and contradictory. On the one hand, it is logical to assume that the history of nationalism provides

historians with numerous examples how the minor oppressed ethnic groups changed their statuses and became political nations and successful imagined communities and invented traditions.

On the other hand, the political map of modern Europe became the result of the successful developments of peripheral nationalisms and the majority of European states became the results of nationalist and liberation movements that turned oppressed nations and national minorities into political modern nations. The political map of Latin America also emerged as a result of the nationalist and liberation struggle, and the history of the region also provides historians with examples how the oppressed peripheral social groups transformed into modern nations. These nations in the 20th century became the objects of the permanent research interest of representatives of the academic community.

The history of modern Nationalism Studies raises questions why nationalism and nationalist transformations and modernizations of the minor nations are more popular than the nationalisms of the greater nations? Why is the nationalism of the formally oppressed groups is more attractive as a subject of academic studies than the nationalisms of the oppressors? Why the political events of 2014 - 2017 in the contexts of the activation of Russian, British and Spanish nationalisms did not inspire a wave of new interest in them and did not become the beginning of a turn in contemporary Nationalism Studies? Probably the domination of the minor nations as the main objects of analysis in Nationalism Studies was the result of the triumph of modernism and constructivism as universal languages for analysis of nationalism and its history writing.

Modernist approaches offered an extremely convenient methodology, which proved to be universal in Nationalism Studies of the minority groups and nations as consequences of political, social, cultural and intellectual changes. The methodological language of modernism as a form of nationalisms histories writing became universal code for analysis of the experience of nationalisms in different regions from Ukraine to Portugal, from Mexico to Argentina. Despite this, the political dynamics of 2014 – 2017 actualizes the further historiographical destinies of the nationalisms of the great nations in modern interdisciplinary Nationalism Studies. Why Russian, Spanish or British nationalisms cannot compete with Basque, Catalan, Ukrainian, Latvian, Welsh or Chuvash nationalisms?

Nationalism Studies offers a universal methodological instrumentarium that can be used in the analysis the nationalisms of those groups that had imperial statuses and dominated over the minor nations, and they became more attractive than nationalisms of the greater nations including Russian or Spanish ones. It is difficult to answer the question why the nationalist wave in Spain, Russia or the UK did not become an incentive

for academic analysis of Russian, Spanish or British nationalisms. It is logical to assume that the minor nationalisms created negative images of the nationalisms of the dominant nations, they competed with, but it is unlikely that the mythical Catalan or Tatar lobbies in the historiography of nationalism obstruct the analysis of Spanish or Russian nationalisms.

The invisibility of the nationalisms of the greater nations in the international historiography of nationalism actualizes the question of the readiness of intellectuals who belong to these groups to analyze formally their nationalisms in the contexts of the modernist and constructivist theories of nationalisms and nations, because the primordial myth begins to compete with the logic of the theory of social and political modernization in this situation. It is logical to assume that the nationalisms of the graters nations will be marginal targets of Nationalism Studies as long as the traditions of political and ethnic primordialism will dominate in these communities and ethnic stereotypes and images of the Otherness will be the defining factors in the attempts of formerly oppressed groups to imagine and reinvent themselves as nations.

References

Allen Jr., Tip H., (1987), "Mississippi Nationalism in the Desegregation Crisis of September 1962." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 49-63.

Anderson, Benedict. (1983), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. NY: Verso, 224 p.

Anderson, Benedict. (2005), *Java in a Time of Revolution: Occupation and Resistance, 1944-1946*. L.: Equinox Publishing, 516 p.

Anderson, Benedict. (2006), *Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia*. L.: Equinox Publishing, 316 p.

Arel, Dominique. (2003), "Fixing Ethnicity in Identity Documents: The Rise and Fall of Passport Nationality in Russia." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXX, no.1-2: 125-136.

Berens, John F. (1975/1976), "The Sanctification of American Nationalism, 1789-1812: Prelude to Civil Religion in America." *Canadian Review of Studies in Nationalism* III, no.2: 172-191.

Berens, John F. (1979), "Religion and Revolution Reconsidered: Recent Literature on Religion and Nationalism in Eighteenth-Century America." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 233-245.

Black, J.L. (1973/1974), "M.P. Pogodin: A Russian Nationalist Historian and the "Problem" of Poland." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 60-69.

Bouchard, Michel. (2002), "The Russian Nation: A Critical Examination of Contemporary Theory." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXIX, no.1-2: 83-93.

Brubaker, Roger. (1998), Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism, Hall, J. (1998), ed., *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge: Cambridge University, pp. 272 – 306

Bumsted, J.M. (1979), "Loyalists and Nationalists: An Essay on the Problem of Definitions." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 218-232.

Burkhardt, Johannes. (1974/1975), "Das Nationale Interesse am Deutschen Bauernkrieg in der Geschichtsschreibung des Neunzehnten Jahrhunderts." *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.1: 38-69.

Buse, Dieter K. (2004), "German Masculinities, Patriotic Women and the Nation in the Nineteenth Century." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXXI, no.1-2: 131-135.

Buse, Dieter K. (2003), "Nineteenth-Century German Nationalism Towards a Consensus?" *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXX, no.1-2: 137-143.

Buse, Dieter. (1987), "Lower-Class German Nationalism in Bremen in 1815: Some Preliminary Observations." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 93-103.

Comrie, Bernard. (1989), "The Spread of Russian among the Other Speech Communities of the USSR." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XVI, no.1-2: 145-152.

Dunlop, John B. (1984), "The Russian Nationalist Spectrum Today: Trends and Movements." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XI, no.1: 63-70.

Fink, Carole. (1983), "Marc Bloch: The Life and Ideas of a French Patriot." *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 235-252.

Fletcher, Roger. (1982), "Karl Leuthner's Greater Germany: The Pre-1914 Pan-Germanism of an Austrian Socialist." *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.1: 57-79.

Gellner, Ernest. (1983), *Nations and Nationalism*. Cornell University Press, 152 p.

Gellner, Ernest. (1987), *Culture, Identity, and Politics*. Cambridge University Press, 200 p.

Gellner, Ernest. (1995), *Encounters With Nationalism*. NY.: Wiley-Blackwell, 228 p.

Heathorn, Stephen. (1996), "(Re)Discovering the National Character: Some Recent Work on the History of English Nationalism and Its Influence on the Construction of British National Identity." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXIII, no.1-2: 9-18.

Hobsbawm, Eric. (2012), *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p.

Hoover, A.J. (1993), "Waiting for Woodrow Wilson: Internationalism and the British Clergy's Attitude in World War I." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XX, no.1-2: 87-95.

Hoover, A.J. (1987), "God and Germany in the Great War: The View of the Protestant Pastors." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 65-81.

Ivashkin, Maksim. (2011), Cheshskoe natsional'noe vozrozhdenie v poslednej treti XIX – nach. XX veka, *Voprosy natsionalizma*, No 5, ss. 124 – 134.

Jelavich, Barbara. (1989), "Tsarist Russia and the Balkan Slavic Connection." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XVI, no.1-2: 209-226.

Johnson, Walter R. (1992), "A Historiographical Sketch of English Nationalism, 1789-1837." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIX, no.1-2: 1-8.

Keyserlingk, Robert H. (1978), "Hitler and German Nationalism before 1933." *Canadian Review of Studies in Nationalism* V: 24-44.

Kirchner, Walther. (1988), "Nationalism and Foreign Industry in Russia before 1914." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXV, no.1-2: 53-58.

Klein, Randolph Shipley. (1979), "Prismatic Patriotism during the Era of the American Revolution." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no. 2: 175-192.

Krylov, Konstantin. Ot redaktora, <http://vnatio.org/>

Kuehl, John. (1974/1975), "American Nationalism and the Popular Resolutions of the 1790s: A Quantitative Analysis." *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.1: 70-90.

Lenin, Vladimir. (2013), O natsional'noi gordosti velikorossov, *V.I.Lenin, I.V.Stalin o natsional'nom voprose*. Moskva: Bibliotekha ot dela po nacional'noi politike TsK KPRF, ss. 7 – 11.

Lenin, Vladimir. (2013), O prave natsii na samoopredelenie, *V.I.Lenin, I.V.Stalin o natsional'nom voprose*. Moskva: Bibliotekha ot dela po nacional'noi politike TsK KPRF, ss. 12 – 79.

Low, Alfred D. (1982), "The Sino-Soviet Confrontation since Mao: Marxism-Leninism, Hegemony, and Nationalism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.2: 183-199.

Low, Alfred D. (1990), "An Overview of the Anschluss Historiography a Half-Century after the Annexation of Austria." *Canadian Review of Studies in Nationalism*, XVII, no. 1-2: 241-248.

Low, Alfred D. (1975/1976), "The Anschluss Movement (1918-1938) in Recent Historical Writing: German Nationalism and Austrian Patriotism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* III, no.2: 212-225.

Lunde, Erik S. (1981), "The Continued Search for National Unity: The United States Presidential Campaign of 1876." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VIII, no.1: 131-149.

Merritt, Richard L., (1979), "Symbolic Division of North America, 1752-1775." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 193-217.

Nagel, Paul C. (1974/1975), "Historiography and American Nationalism: Some Difficulties." *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.2: 225-240.

Olson, James M. (1973/1974), "Nationalistic Values in Prussian Schoolbooks prior to World War I." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 47-59.

Osofsky, Gilbert. (1973/1974), "Wendell Phillips and the Quest for a New American National Identity." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 15-46.

Pospelovsky, Dimitri. (1984), "Some Remarks on the Contemporary Russian Nationalism and Religious Revival." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XI, no.1: 71-85.

Ruud, Charles. (1973/1974), "Pre-Revolutionary Russian Nationalism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 276-286.

Ryan, William F. (1973/1974), "La Croix and the Rise of French Rightist Nationalism in the 1880s." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 159-172.

Sahadeo, Jeff. (2004), "The Search for the Russian Nation: Notes from the Periphery." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXXI, no.1-2: 113-125.

Seriogichev, Sergei. (2011), Kak vozmozhna sudanskaja natsiia?, *Voprosy natsionalizma*, No 5, ss. 156 – 167.

Shlykov, Pavel. (2011), Turetskii nacionalizm v XX veke: poiski natsional'noi identichnosti, *Voprosy natsionalizma*, No 5, ss. 135 – 156.

Stalin, Iosif. (2013), Marksizm i natsional'nyi vopros, *V.I.Lenin, I.V.Stalin o natsional'nom voprose*. Moskva: Bibliotekha otдела po natsional'noi politike TsK KPRF, ss. 80 – 138.

Stalin, Iosif. (2013), Natsional'nyi vopros i leninizm, *V.I.Lenin, I.V.Stalin o natsional'nom voprose*. Moskva: Bibliotekha otдела po natsional'noi politike TsK KPRF, ss. 139 – 157.

Stein, Howard F.; Robert F. Hill. (1973/1974), "The New Ethnicity and the White Ethnic in the United States." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 81-105.

Stuart, Reginald C. (1979), "The Origins of American Nationalism to 1783: An Historiographical Survey." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 139-151.

Turner, Frederick C. and Everett Carll Ladd. (1986), "Nationalism, Leadership, and the American Creed." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XII, no.2: 185-198.

Van Alstyne, Richard W. (1979), "Revolution and Patriotism in America, 1763-1775." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 152-174.

Wagner, Jonathan F. (1973/1974), "Transferred Crisis: German Volkish Thought among Russian Mennonite Immigrants to Western Canada." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 202-220.

Walker, Nancy J.; Robert M. Worcester. (1986), "Nationalism in Great Britain." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XII, no.2: 249-269.

Yip, Ka-che. (1982), "Student Nationalism in Republican China, 1912-1949." *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.2: 247-261.

Yip, Ka-che. (1983), "Medicine and Nationalism in the People's Republic of China, 1949-1980." *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 175-187.

Yip, Ka-che. (1983), "Nationalism and Medicine in China: A Bibliographical Essay." *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 189-193.

НАРУШАЯ ЗАПРЕТЫ ТРАДИЦИИ: РЕАЛЬНЫЕ ФРОНТИРЫ И ВООБРАЖАЕМЫЕ ГРАНИЦЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИОНАЛИЗМА

Кирчанов М.В.

Кирчанов Максим В., Воронежский государственный университет, 394000, Россия,
г. Воронеж, Пушкинская 16 Эл. почта: maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор анализирует теоретические и методологические проблемы современной историографии национализма. Исследования национализма принадлежат к числу динамично развивающихся направлений гуманитарного знания. Автор пытается ответить на вопрос почему национализмы малых наций более популярны среди историков чем национализмы больших наций. Автор полагает, что истоки этих теоретических и методологических противоречий можно локализовать и картировать в ранней истории академического изучения национализма. Марксистские теории национализмов и наций стали историческими предшественниками современных исследований национализма. Автор полагает, что марксистские

попытки классифицировать и типологизировать национализмы, вообразить буржуазные национализмы и национализмы угнетенных наций исторически предшествовала академическим классификациям национализма как гражданских и этнических трендов и идеологий. Автор предполагает, что некоторые академические и псевдо-академические журналы пытаются вообразить национализмы больших наций как новые предметы академических штудий, но эта попытка оказалась неудачной, потому что "новая имперская история" фактически стал частной версией конструктивизма и модернизма. Автор полагает, что современная политическая конъюнктура формально стимулирует дебаты и вдохновляет новую повестку дня в исследованиях национализма, но реальные перемены отсутствуют, потому что академическое сообщество стабильно и консервативно.

Ключевые слова: национализм, исследования национализма, модернизм, конструктивизм, "большие" и "малые" нации

Список литературы

Allen Jr., Tip H., (1987), "Mississippi Nationalism in the Desegregation Crisis of September 1962." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 49-63.

Anderson, Benedict. (1983), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. NY: Verso, 224 p.

Anderson, Benedict. (2005), *Java in a Time of Revolution: Occupation and Resistance, 1944-1946*. L.: Equinox Publishing, 516 p.

Anderson, Benedict. (2006), *Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia*. L.: Equinox Publishing, 316 p.

Arel, Dominique. (2003), "Fixing Ethnicity in Identity Documents: The Rise and Fall of Passport Nationality in Russia." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXX, no.1-2: 125-136.

Berens, John F. (1975/1976), "The Sanctification of American Nationalism, 1789-1812: Prelude to Civil Religion in America." *Canadian Review of Studies in Nationalism* III, no.2: 172-191.

Berens, John F. (1979), "Religion and Revolution Reconsidered: Recent Literature on Religion and Nationalism in Eighteenth-Century America." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 233-245.

Black, J.L. (1973/1974), "M.P. Pogodin: A Russian Nationalist Historian and the "Problem" of Poland." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 60-69.

Bouchard, Michel. (2002), "The Russian Nation: A Critical Examination of Contemporary Theory." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXIX, no.1-2: 83-93.

Brubaker, Roger. (1998), Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism, Hall, J. (1998), ed., *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge: Cambridge University, pp. 272 – 306

Bumsted, J.M. (1979), “Loyalists and Nationalists: An Essay on the Problem of Definitions.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 218-232.

Burkhardt, Johannes. (1974/1975), “Das Nationale Interesse am Deutschen Bauernkrieg in der Geschichtsschreibung des Neunzehnten Jahrhunderts.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.1: 38-69.

Buse, Dieter K. (2004), “German Masculinities, Patriotic Women and the Nation in the Nineteenth Century.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXXI, no.1-2: 131-135.

Buse, Dieter K. (2003), “Nineteenth-Century German Nationalism towards a Consensus?” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXX, no.1-2: 137-143.

Buse, Dieter. (1987), “Lower-Class German Nationalism in Bremen in 1815: Some Preliminary Observations.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 93-103.

Comrie, Bernard. (1989), “The Spread of Russian among the Other Speech Communities of the USSR.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XVI, no.1-2: 145-152.

Dunlop, John B. (1984), “The Russian Nationalist Spectrum Today: Trends and Movements.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XI, no.1: 63-70.

Fink, Carole. (1983), “Marc Bloch: The Life and Ideas of a French Patriot.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 235-252.

Fletcher, Roger. (1982), “Karl Leuthner's Greater Germany: The Pre-1914 Pan-Germanism of an Austrian Socialist.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.1: 57-79.

Gellner, Ernest. (1983), *Nations and Nationalism*. Cornell University Press, 152 p.

Gellner, Ernest. (1987), *Culture, Identity, and Politics*. Cambridge University Press, 200 p.

Gellner, Ernest. (1995), *Encounters With Nationalism*. NY.: Wiley-Blackwell, 228 p.

Heathorn, Stephen. (1996), “(Re)Discovering the National Character: Some Recent Work on the History of English Nationalism and Its Influence on the Construction of British National Identity.” *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXIII, no.1-2: 9-18.

Hobsbawm, Eric. (2012), *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p.

Hoover, A.J. (1993), "Waiting for Woodrow Wilson: Internationalism and the British Clergy's Attitude in World War I." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XX, no.1-2: 87-95.

Hoover, A.J. (1987), "God and Germany in the Great War: The View of the Protestant Pastors." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIV, no. 1: 65-81.

Ivashkin, Maksim. (2011), Cheshskoe natsional'noe vozrozhdenie v poslednej treti XIX – nach. XX veka, *Voprosy natsionalizma*, No 5, ss. 124 – 134.

Jelavich, Barbara. (1989), "Tsarist Russia and the Balkan Slavic Connection." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XVI, no.1-2: 209-226.

Johnson, Walter R. (1992), "A Historiographical Sketch of English Nationalism, 1789-1837." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XIX, no.1-2: 1-8.

Keyserlingk, Robert H. (1978), "Hitler and German Nationalism before 1933." *Canadian Review of Studies in Nationalism* V: 24-44.

Kirchner, Walther. (1988), "Nationalism and Foreign Industry in Russia before 1914." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXV, no.1-2: 53-58.

Klein, Randolph Shipley. (1979), "Prismatic Patriotism during the Era of the American Revolution." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no. 2: 175-192.

Krylov, Konstantin. Ot redaktora, <http://vnatio.org/>

Kuehl, John. (1974/1975), "American Nationalism and the Popular Resolutions of the 1790s: A Quantitative Analysis." *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.1: 70-90.

Ленин, В. (2013), О национальной гордости великороссов, *В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе*. Москва: Библиотечка отдела по национальной политике ЦК КПРФ, стр. 7 – 11.

Ленин, В. (2013), О праве нации на самоопределение, *В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе*. Москва: Библиотечка отдела по национальной политике ЦК КПРФ, стр. 12 – 79.

Low, Alfred D. (1982), "The Sino-Soviet Confrontation since Mao: Marxism-Leninism, Hegemony, and Nationalism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.2: 183-199.

Low, Alfred D. (1990), "An Overview of the Anschluss Historiography a Half-Century after the Annexation of Austria." *Canadian Review of Studies in Nationalism*, XVII, no. 1-2: 241-248.

Low, Alfred D. (1975/1976), "The Anschluss Movement (1918-1938) in Recent Historical Writing: German Nationalism and Austrian Patriotism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* III, no.2: 212-225.

Lunde, Erik S. (1981), "The Continued Search for National Unity: The United States Presidential Campaign of 1876." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VIII, no.1: 131-149.

Merritt, Richard L., (1979), "Symbolic Division of North America, 1752-1775." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 193-217.

Nagel, Paul C. (1974/1975), "Historiography and American Nationalism: Some Difficulties." *Canadian Review of Studies in Nationalism* II, no.2: 225-240.

Olson, James M. (1973/1974), "Nationalistic Values in Prussian Schoolbooks prior to World War I." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 47-59.

Osofsky, Gilbert. (1973/1974), "Wendell Phillips and the Quest for a New American National Identity." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 15-46.

Pospelovsky, Dimitri. (1984), "Some Remarks on the Contemporary Russian Nationalism and Religious Revival." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XI, no.1: 71-85.

Ruud, Charles. (1973/1974), "Pre-Revolutionary Russian Nationalism." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 276-286.

Ryan, William F. (1973/1974), "La Croix and the Rise of French Rightist Nationalism in the 1880s." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 159-172.

Sahadeo, Jeff. (2004), "The Search for the Russian Nation: Notes from the Periphery." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XXXI, no.1-2: 113-125.

Серёгичев, С. (2011), Как возможна суданская нация? *Вопросы национализма*, № 5, стр. 156 – 167.

Шлыков, П. (2011), Турецкий национализм в XX в.: поиски национальной идентичности, *Вопросы национализма*, № 5, стр. 135 – 156.

Сталин, И. (2013), Марксизм и национальный вопрос, *В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе*. Москва: Библиотечка отдела по национальной политике ЦК КПРФ, ss. 80 – 138.

Сталин, И. (2013), Национальный вопрос и ленинизм, *В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе*. Москва: Библиотечка отдела по национальной политике ЦК КПРФ, стр. 139 – 157.

Stein, Howard F.; Robert F. Hill. (1973/1974), "The New Ethnicity and the White Ethnic in the United States." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.1: 81-105.

Stuart, Reginald C. (1979), "The Origins of American Nationalism to 1783: An Historiographical Survey." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 139-151.

Turner, Frederick C. and Everett Carll Ladd. (1986), "Nationalism, Leadership, and the American Creed." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XII, no.2: 185-198.

Van Alstyne, Richard W. (1979), "Revolution and Patriotism in America, 1763-1775." *Canadian Review of Studies in Nationalism* VI, no.2: 152-174.

Wagner, Jonathan F. (1973/1974), "Transferred Crisis: German Volkish Thought among Russian Mennonite Immigrants to Western Canada." *Canadian Review of Studies in Nationalism* I, no.2: 202-220.

Walker, Nancy J.; Robert M. Worcester. (1986), "Nationalism in Great Britain." *Canadian Review of Studies in Nationalism* XII, no.2: 249-269.

Yip, Ka-che. (1982), "Student Nationalism in Republican China, 1912-1949." *Canadian Review of Studies in Nationalism* IX, no.2: 247-261.

Yip, Ka-che. (1983), "Medicine and Nationalism in the People's Republic of China, 1949-1980." *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 175-187.

Yip, Ka-che. (1983), "Nationalism and Medicine in China: A Bibliographical Essay." *Canadian Review of Studies in Nationalism* X, no.2: 189-193.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОБРАЗОВ ИНДЕЙЦА В НОВОЙ АНГЛИИ В XVIII в.¹

Якушенков С.Н.

Якушенков Сергей Николаевич, Астраханский государственный университет,
Астрахань, 414056, ул. Татищева 20А.
E-mail: shuulong@mail.ru

Статья посвящена вопросу трансформации образа индейца в восприятии американских колонистов Новой Англии в XVIII в. Межкультурная коммуникация белых с индейцами принимала самые разнообразные формы: от мирного сосуществования квакеров Пенна с делававами, до резни племени саскуеханнок Пакстонскими мальчиками. Семилетняя война в Америке и восстание Понтиака больно отразились на жителях фронтальной территории, вынужденных постоянно отражать набеги индейцев или участвовать в военных операциях британской армии против индейцев. В отдельных случаях ненависть по отношению к индейцам была столь велика, что белые колонисты не щадили ни женщин, ни детей, а в отдельных случаях с риском для себя были готовы прибегнуть к распространению оспы среди индейцев.

Все это осложняет ответ на вопрос, почему во множестве случаев колонисты прибегали к образу индейца для выражения своих интересов. Нередко, этот образ служил для того, чтобы скрыть свое истинное лицо, изобразить себя асоциальными дикими индейцами, а не добропорядочными колонистами. Но параллельно с этим индеец оказывался и символом «американскости», принадлежности к американской культуре, противостоящей английским традициям и британской короне. Бостонское чаепитие может выступать в качестве примера такой модели поведения. Особенно показателен тот факт, что отношения с индейцами в колонии Массачусетс было не столь радужными, как в Пенсильвании. Однако, и здесь революционные лозунги нередко наполнялись индейской символикой. Все это показывает, что индеец как Чужой постоянно занимал все семантическое поле, выступая то в качестве врага, то друга, союзника и примера для подражания. Данная статья является лишь первой частью, в которой рассматривается вопрос символики Чужого (на примере образа индейца) в американском культурном контексте Новой Англии. Во второй части статьи будут рассмотрены примеры из истории Новой Англии XVIII в. с использованием образа индейца как в контексте европейской святости, так и современные традиции использования индейской символики в американском спорте.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-03-00402 ("а") «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации»

Ключевые слова: Образ индейца, Чужой, враг, коренные американцы, Новая Англия, Пенсильвания, Бостонское чаепитие.

«Таменунд возвысил свой голос.

– Довольно! – сказал он. – Ступайте, дети ленапов, гнев Маниту еще не иссяк! Зачем оставаться Таменунду? Бледнолицые – хозяева земли, а день краснокожих ещё не настал. Мой день был слишком долг. В утро моей жизни я видел сынов Унамис счастливыми и сильными, а теперь, на склоне моих дней, дожил до того, что видел смерть последнего воина из мудрого племени могикиан!» Ф. Купер «Последний из могикиан».

Середина XVIII в. в Североамериканских колониях Великобритании ознаменовалась рядом событий, которые серьезнейшим образом повлияли на дальнейший исторический процесс на этой территории. К началу Семилетней войны на Американском континенте существовал определенный паритет сил, в котором индейцы играли важную роль. Они были важным и могущественным союзником, который способствовал во многом процветанию английских колоний. Правда, отношения с индейцами складывались по-разному в каждой из колоний, но в некоторых из них, как, например, Пенсильвания, квакерам удавалось длительное время сохранять мир с индейцами, что гарантировало колонистам Пенна процветание и спокойствие.

Но к началу Семилетней войны враждующие силы (англичане/французы) оказались в близости друг к другу. Учитывая, что у обеих сторон были одинаковые цели – получение прибыли от торговли с индейцами пушниной (первоначально мехами, а затем и оленьими кожами), конфликт был неизбежен, даже если бы на европейском континенте не разразилась Семилетняя война. Оказавшись посередине международного конфликта, индейцам приходилось встраиваться в новые для них отношения, что привело к сложной ситуации для них. Индеец оказался сразу же в нескольких ипостасях: врага и друга. И порой сложно было разобраться, кто есть кто, когда грохотали пушки (Forbes & Stewart, стр. 36).

На протяжении всего военного театра Семилетней войны в Америке провинциальные войска, вместе с регулярными английскими

войсками, жили, сражались, истекали кровью и умирали бок о бок с индейскими воинами» (Preston, стр. 281).

В этой статье мы попытаемся рассмотреть семантическое разнообразие образа индейца во второй половине XVIII в. в Новой Англии.

16 декабря 1773 г. бостонцы, недовольные британским экономическим прессингом по отношению к жителям североамериканских колоний, захватили торговый корабль «Дартмут», груженный чаем, и выкинули в Бостонскую гавань весь груз¹. Тем самым они выразили свое несогласие с политикой таможенных пошлин, которыми облагались товары, доставляемые в колонии. Это событие вошло в историю под названием «Бостонское чаепитие».

Самое примечательное в этом событии было то, что часть активистов этого движения была одета индейцами. Они нанесли на лица боевой раскрас, напоминающий племя мохок (Mohawk), накинули на тела индейские одеяла, двигались они гуськом или индейским строем, издавая боевые кличи мохоков.

Многие из участников этого движения даже называли себя мохоками. А их гимн, распеваемый на мотив известной песни «Правь, Британия», начинался следующими словами:

«Собирайтесь мохоки, приносите свои топоры.

И скажите королю Георгу, что мы не заплатим налог

На его заморский чай» (Goss, p. 128).

Эдвард Проктор, один из лидеров движения мохоков, даже выпускает прокламацию от имени «короля мохоков», называя себя главным сахемом. В это прокламации чай назван «индейской травой», что дает право «индейцам мохокам» употреблять ее беспошлинно: От Главного Сахема мохоков, Короля Шести Наций и Господина всех их Замков, и т.д., и т.д.

Всем нашим вассалам – Здоровья

Поскольку чай – индейское растение и по праву принадлежит индейцам всех земель и всех племен» (Drake, pp. 157-158).

Помимо племени мохок, по отношению к участникам Бостонского чаепития использовался и этноним наррагансетты. Вот как это описывается в одной из бостонских газет от 3-его января 1774 г.: «Поскольку было сообщено, что один из Уитингтонов, из Дорчестера, забрал и частью ящика с чаем Ост-Индийской компании, группа индейцев с Мыса или индейцев наррагансеттов направилась в прошлую пятницу к дому капитана Ебенезера Уитингтона и его брата Филипа и тщательно обыскала их дом, не причинив никому вреда. Не найдя чая,

¹ См. Gunderson C. The Boston Tea Party. Edina (Minnesota): ABDO Publishing Company, 2004.

они проследовали к дому старого Уитингтона, в место под названием Содом, недалеко от Дорчерского дома собраний, где они нашли пол-ящика чая, который уплыл и который прибило к Дорчестерскому мысу. Они забрали его и доставили к Бостонскому общественному парку, где и придали огню» (Drake, стр. 86).

Вряд ли можно считать использование слова наррагансеты исключительным по отношению к революционно настроенным бостонцам. Этот же этноним употребляет по отношению к участникам и очевидец этих событий Джон Эндрюс, писавший в письме другу, что участники были индейцы наррагансетты. Он также дает живописное описание их внешнего вида и говорит, что они использовали язык, понятный только им (Drake, стр. 79).

Все было необычным в этом движении «псевдомохоков» или «наррагансеттов». Среди них не было ни одного индейца, только белые американцы, однако они очень старались походить на индейцев, раскрасив свои тела, общаясь языком жестов и издавая боевые кличи. Возникает несколько предположений, почему протестующие выбрали образ индейцев, чтобы продемонстрировать свое недовольство британской колониальной политикой.

И главным здесь, как нам кажется, было не стремление участников Бостонского чаепития остаться неузнанными. Но каковы тогда были истинные причины бостонских «мохоков» выдавать себя за индейцев?

С. Фрезер и Дж. Фриман, анализируя истоки популизма Движения чаепития (Tea Party movement), поясняют, что «в конце XVIII в. индейцы в Америке уже выступали в качестве символа угнетенного народа и в таком качестве оказались пригодными для использования теми, кто чувствовал себя подобным образом»¹ (2010, стр. 75). Все это было особенно удивительным, поскольку предки этих революционеров сделали все возможное, чтобы индейцы оказались в таком бедственном положении. Сложно сказать, ощущали ли «бостонские мохоки» какое-то сострадание к индейцам. Возможно, что да. Индейская тематика стала одной из главных тем в изображениях такого видного активиста движения как ювелир Поль Ревир, вошедший в историю как человек, который предупредил повстанцев о приближении английских войск, проскакав галопом из Бостона до Лексингтона.

Индейская тема в изделиях из серебра Ревира убедительно показывает, что эта тема была популярной среди многих колонистов, недовольных британской политикой. Но как это укладывается в

¹ Fraser S., Freeman J. B. IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. // New Labor Forum, 2010, Vol. 19, No. 3, p. 75 (pp. 75-81).

недавнюю (1763-1766) войну с индейцами, возглавляемыми вождем Понтиаком? И хотя эта война прошла в некотором отдалении от Бостона, она в той или иной мере затрагивала чувства многих колонистов, подогревая и без того кипящие антииндейские настроения. Типичным примером таких настроений явилась резня, устроенная в Центральной Пенсильвании рейнджерами, получившими прозвище Пакстонские мальчишки (Paxton boys), зверски расправившимися с дружественным квакерам племенем саскуеханнок. Самое ужасное в этом заключалось то, что часть убитых индейцев находились под защитой городских властей Ланкастера, но это не остановило нападавших, которые не пощадили даже женщин и грудных детей, которых расчленили на куски. Важно отметить и то, что эти индейцы были христианами, а не какими-то язычниками.

И это произошло на территории, которая длительное время выступала своеобразной моделью толерантного отношения колонистов к индейскому населению.

Правда, вырезали индейцев не квакеры или лютеране, а пресвитерианские переселенцы из Шотландии и Ирландии, не очень-то и отличавшиеся своим внешним видом от индейцев, которых они убили. Один из квакеров, свидетелей резни, описывал пакстонцев как людей, «внешне похожих индейцев или индейских торговцев, одетых, на манер индейцев, в одеяла и мокасины, вооруженных ружьями и томагавками» (Dixon, p. 249). Некоторые из них еще раньше принимали участие в отражении индейских нападений на фронтальные поселения в Пенсильвании во время франко-индейской войны и восстания Понтиака (1763–1766).

Но общие антииндейские настроения были широко распространены в это время. Хотя некоторые ланкастерцы осудили убийство, но большинство или остались равнодушны к судьбе индейцев, или даже приветствовали резню. Жители крупных городов на Востоке, с симпатией относились к индейцам, они научились сосуществовать с ними, их благополучие во многом зависело от торговли с ними (Dunbar, p. 5). В это же время жители западных графств нередко испытывали на себе все сложности фронтальной жизни, не имея возможности или каких-то легальных механизмов для защиты своих интересов. Три восточных графства имели в два раза больше представителей в Ассамблее штата чем пять западных графств (Hindle, стр. 463).

Поэтому у каждой из групп населения Пенсильвании было свое видение проблемы. Попытка властей защитить индейцев от насилия воспринималась как оскорбление со стороны ирландцев и шотландцев западных графств, живущих в состоянии постоянной угрозы и ненависти к индейцам. Правда, нередко именно они и являлись одним из основных

источников конфликтов с индейцами, так как постоянно вторгались на их территорию.

Ситуацию подогревали и военные, которые рассматривали лишь один вариант взаимодействия с индейцами – их полное уничтожение. Для этого были хороши все возможные варианты. И в июне 1763 командование форта Питт решается на использование зараженных оспой одеял для распространения болезни среди индейцев (Fenn, pp. 1555-58). И хотя до сих пор выражаются сомнения о том, привели ли эти действия к успеху (Ranlet, 2000), для нашего исследования не важно, возымели ли действия военных в форте Питт какой-либо успех или нет. Для нас важнее сами намерения и попытки добиться уничтожения индейцев с помощью оспы, которые хорошо задокументированы самими военными (The papers of Col. Henry Bouquet, p. 215)) и гражданскими лицами (Volwiler, p. 400), или планы расправиться с индейцами с помощью специально обученных собак (см. письмо одного из соратников Б. Франклина Дж. Хьюза полковнику Г. Буке от 11 июля 1763 г. (The papers of Col. Henry Bouquet, 1942, pp. 214-215)).

Конечно, все эти желания расправиться с индейцами любой ценой можно отнести к тому бедственному положению, в котором прибывали пограничные форты, окруженные восставшими племенами, можно списать и на то, что те офицеры, которые принимали решения о подобных действиях не были колонистами. Полковник Г. Буке (Henry Bouquet) и капитан С. Эквайр (Simeon Esuyer) были швейцарцами на службе британской короны. Но, как нам кажется, жители прифронтирной полосы (т.е. простые гражданские колонисты) ненавидели индейцев еще больше. Причем многие из них находились с индейцами в приятельских отношениях. Достаточно вспомнить торговца из форта Питт Уильяма Трента, на дневник которого мы ссылались выше. Он сдержанно описывает, как к форту приходят два посланника из племени делаваров, предупреждающие их о готовящемся нападении на форт и советуящие покинуть его для безопасности. Они также уверяют, что будут верны миру (they would hold fast of the Chain of friendship). Далее Трент поясняет: “Из наших соображений мы дали два одеяла и платок из оспенного госпиталя. Надеюсь это будет иметь желаемый успех» (Volwiler, 1924).

Конечно, и среди военных, и жителей фронта можно было встретить самое различное отношение к индейцам. Показательно отношение к индейцам Джорджа Крогана (1718 – 1782) (George Croghan), сыгравшего огромную роль в заключении договоров о дружбе со многими индейскими племенами. Он хорошо знал индейские языки и пользовался огромным уважением со стороны индейцев и колонистов. Он также был успешным торговце и одним из крупнейших

землевладельцев в Пенсильвании. В распоряжении историков имеются характеристики индейцев, данные Кроганом в 1777 в ответах на вопросы королевского историографа Уильяма Робертсона, составившего специальный вопросник, касающийся самых разнообразных сторон жизни индейцев. В ответах Крогана мы видим вдумчивого человека, старающегося объективно и в то же время доброжелательно высказывать свое мнение о коренном населении Америки (Croghan & White). Его дневники также не содержат каких-либо негативных суждений, хотя ему бы было за что сердиться на индейцев. В 1763 г. его имение было сожжено индейцами во время восстания.

Мы не случайно привели пример с Кроганом в качестве нейтрального отношения к индейцам. Кроган, как и большинство паксоновских парней, был ирландцем, принадлежал к англиканской церкви (Volwiler, 1922, pp. 278-279). Но именно шотландцы и ирландцы были тем взрывным элементом, нарушающим сложившуюся систему отношений белых с индейцами. Эта ситуация еще больше накалилась в период восстания Понтиака. Спокойная и размеренная жизнь на Востоке выдавливала на фронт особый тип людей, не нашедших себя в этой жизни. Английский генерал Джон Форбс (1707-1759 гг.), командовавший западной экспедицией против французов во время франко-индейской войне, так охарактеризовал этот тип людей: «Я тщетно в начале льстил себе, что из Вирджинии и Пенсильвании могут быть присланы хорошие вооруженные силы, но мне жаль, что лишь некоторые из их главных офицеров являются исключением, все остальное – худшее сборище разорившихся трактирщиков, жокеев и индийских торговцев, и что люди, которыми они командуют, являются прямой копией своих офицеров, и не может быть иначе, поскольку они являются сборищем наихудших подонков в стране» (Forbes & Stewart, p. 38).

В результате во фронтальных городах западных территорий создавалась особая ситуация: с одной стороны, их благополучие зависело от торговли с индейцами и поэтому население этих городов состояло из самых различных социальных слоев: торговцев с индейцами, погонщиков лошадей, извозчиков повозок, искателей приключений, деклассированных элементов, а с другой стороны, эта публика в наибольшей степени страдала от набегов со стороны индейцев в период франко-индейской войны и восстания Понтиака, да и от различных слухов об индейцах. Как жаловался один из торговых агентов из фронтального Карлайла своим руководителям в Филадельфию, «вокруг особые элементы, которые суют свой нос в каждую повозку, в каждый тюк, и часто спрашивают, не везут ли порох и свинец индейцам для убийства шотландцев и ирландцев» (Ridner, стр. 133-134). Весь этот посыл проявился и в так называемом Восстании Черных парней (Black

Boys), которое представляло собой движение фронтирных жителей (главным образом шотландцев и ирландцев) устроить после окончания Войны с Понтиаком блокаду товаров, посылаемых к индейцам. И хотя часть товаров принадлежали государству и предназначались в качестве дипломатических подарков индейцам, тем не менее даже эти обозы были перехвачены и уничтожены. В этом противостоянии, как правило, проигрывали торговцы с Востока. И хотя Черные парни непосредственно не выступали против индейцев, однако, и в этом движении проявлялся негативный настрой по отношению к коренным американцам.

Борец за права шотландцев-ирландцев, охотник на индейцев превращается в героя на западных территориях Пенсильвании. Подобный стереотип народного героя очень ярко проявился в образе Капитана Джека. Хотя не найден «реальный» прототип этому герою, да и сам он появляется на страницах газет лишь в 20-х гг. XIX в., правда, со ссылкой на газеты 50-60-х гг. предыдущего столетия. Персонаж этот фигурирует под разными именами: «Черный охотник», «Черное ружье», «Дикий охотник с Джуниаты», «Черный охотник из лесов», «Черный защитник» и т.д.. По легенде он поселился со своей семьей и друзьями в Западной Пенсильвании на реке Джуниате. Построил хижину и расчистил небольшой участок земли. Занимался охотой и рыбной ловлей, благо дичи было много. Но однажды, когда он вернулся с охоты, то обнаружил, что его хижину сожгли, а жена и дети убиты. С этого момента он начинает мстить индейцам, выслеживая их в ночи (Wagoner, стр. 100-102).

Правда, в отдельных случаях Капитан Джек предстает перед нами наполовину индейцем (Wagoner, стр. 110-112), что дает нам возможность отождествить его с реальными фронтирными прототипами, так Андроу Монтур (Andrew Montour) (Wagoner, стр. 111). Но какой бы реальный прототип не был выбран в качестве «изначального», вполне понятно, что Капитан Джек – собирательный образ, возникший в сознании фронтирных жителей Пенсильвании. Как писал пенсильванский историк Ч. Х. Зипе, «он никогда не существовал, за исключением как прекрасная идея этого периода» (Sipe, стр. 182). Американская исследовательница Ш. Вагонер, рассмотрев разные свидетельства и документы, приходит к тем же результатам (Wagoner, стр. 117). И хотя в некоторых вариантах легенды он предстает перед нами метисом или даже индейцем, его собирательный образ создавался во фронтирной среде в надежде на реального персонажа: траппера, полукровку, знатока местных лесов, удачного охотника и меткого стрелка, порой даже и индейца, но в одной надежде – надежде на спасение от «кровожадных» индейцев.

Но все это заставляет нас задать следующий вопрос: почему же в ряде случаев образ индейца всплывает в общественном сознании колонистов совершенно в другом контексте. Мы начали нашу статью с описания Бостонского чаепития, в котором участники оделись как индейцы. Конечно, можно посчитать, что бостонские события происходили в 1773 г., т.е. спустя многих лет после Семилетней войны и Восстания Понтиака. И кроме этого колония Массачусетс не испытывала тех ужасов войны с индейцами, которые испытали на себе пенсильванцы или виргинцы в 50-60-х гг. XVIII в. Их войны с индейцами закончились еще раньше.

Сложно сказать, почему бостонцы выбрали в качестве подражания именно мохоков, а не наррагансетов, хотя последнее были им понятнее. И как мы видели, этноним наррагансеты также употреблялся для обозначения этой группы колонистов, выступивших против английской короны. Если учесть, что «бостонские индейцы» были хорошо скоординированы, действовали слаженно, использовали команды, которые были непонятны другим, все это говорит, о том, что переодевание в индейцев было не просто спонтанным, а имело под собой длительные приготовления. Они тщательно готовились, гримировались, репетировали свои действия и т.д. Все это свидетельствует о длительной системе подготовки или практики, т.е. длительного «вживания в образ». Правда, всему этому есть лишь косвенные подтверждения.

Однако, то, что практика переодевания в индейцев имеет в американских колониях давнюю историю, свидетельствуют разнообразные факты. И Бостонское чаепитие не единичный факт.

Одним из первых случаев процесса переодевания в индейцев для выражения своего несогласия с действиями короны, произошедшим задолго до событий в Бостоне, было, так называемое, «Дело о мачтовом лесу», происшедшее в Нью Гемпшире в 30-е гг. XVIII в.

В 1730 г. в колонию Нью Гемпшир был назначен новый главный смотритель леса и помощник губернатора Дэвид Данбар. Среди множества функций в его обязанности входила и маркировка мачтового леса для королевского флота. Маркировке подлежали деревья (*Pinus strobus*), диаметр которых был больше 24 дюймов на высоте 3 футов от основания. До этого периода, хотя закон и существовал, в Нью Гемпшире у населения было множество уловок, чтобы избежать этого, особенно если это касалось леса, расположенного на частной территории. А в некоторых местах этой колонии жители просто игнорировали этот закон. Как правило, они срубали дерево не у корня, а значительно выше, там, где размер был меньше 24 дюймов. Дерево маркировали тремя зарубками, которые напоминали стрелу. С формальной точки зрения, если маркированное дерево даже

обнаруживали на лесопилке, то сложно было доказать его происхождение и истинный размер. Кроме этого такие деревья хорошо покупались в Испании, так как там на мачты шли деревья меньше указанного диаметра (Baxter, p. 434).

Кроме этого жители Новой Англии активно сотрудничали и с французскими купцами, поставлявшими ром, патоку, французский шелк и другие товары. Как утверждал брат Дэвида Данбара Джеремиа, который тоже был королевским смотрителем королевского леса, в Бостоне жило больше сотни французов, занимавшихся контрабандой. А на вырученные от контрабанды деньги, они закупали суда, построенные в Новой Англии. Одним из главных товаров, по словам Джеремии Данбара, был низкосортный ситец из Индии (Eacott, стр. 128-129).

Данбар, будучи человеком военным, взялся со всей строгостью исполнять этот закон. Зная, что не весь маркированный лес поступает на государственные лесопилки, он решил в 1734 г. проверить частные лесопилки городка Эксетер (Exeter). Лес, растущий на этой территории, объявлялся королевским, и на вырубку этого леса требовалась лицензия. Но это не касалось мачтового леса, который было запрещено вырубать. Все это вызвало возмущение жителей, которые всячески противодействовали властям. Сложно сказать, обнаружил ли он срубленные деревья, помеченные как королевский мачтовый лес, на лесопилке, принадлежащей семье Джилман. Прибыв на место, он был напуган криками из леса и выстрелами. Кто-то оскорбительно высказывался в его адрес и грозил ему расправой. Данбар посчитал, что лучше убраться от негостеприимных хозяев. В 1682 г. жители Экстера уже изгоняли начальника королевской полиции и его людей (Bell, 1871, стр. 25-27). Вернувшись в Портсмут, он нанял в порту группу людей, которые, как ему казалось, справятся с делом по устрашению непокорных жителей Экстера и доставке срубленного леса. Прибыв вечером 23 апреля в город, группа остановилась в таверне, принадлежавшей Самюэлю Джильману. Поняв из разговора подвыпившей компании, зачем приехали эти люди, Джильман сообщил им, что жители наняли индейцев, чтобы расправиться с приезжими. Новость о приезде группы Данбара разлетелась по городу, горожане, числом около тридцати, оделись индейцами и ворвались в таверну (Bell, 1888, p. 73). Люди Данбара были избиты и вынуждены были бежать. Но как оказалось, лодка, на которой они прибыли, была испорчена, и они чудом спаслись (Deloria, p. 11). Позднее один из помощников Данбара сообщал ему, что владельцы лесопилок наняли трех индейцев из племени натик, чтобы убить его и Данбара (Stone, p. 29). И хотя все это были лишь слухи, индеец, как некая угроза для королевских властей, играл здесь не последнюю роль.

Как мы видим, и здесь протестующие вновь прибегли к образу индейца. Правда, в этом случае они скрывали свои личности за внешностью индейцев.

Американская исследовательница Р. Грин, анализируя частое стремление белых колонистов переодеваться в индейцев, высказалась довольно категорично по этому вопросу: «Одна из старейших и наиболее распространенных форм американского культурного самовыражения, вне всякого сомнения одна из старейших форм, соотносимых с американской культурой на национальном уровне, – это «представление», которое я называю «игрой в индейцев». После вторжения этих «рыжих волосатых мужчин» в пятнадцатом веке в Северную Америку неиндейцы обнаружили, что «игра в индейцев» является самой неотъемлемой и явно удовлетворительной формой традиционного выражения... Это представление, или набор представлений, со многими этапами, исполнителями, контекстами и вариантами, имеет свои глубокие корни в создании своеобразной американской культуры. Я настаиваю на том, что оно представляло собой один из способов демаркации границ американской идентичности, отличающихся от традиции, связанной с Европой» (Green, стр. 30).

Но можно ли эту «игру в индейцев» представить лишь как попытку вписаться в новый культурный ландшафт или даже создать этот новый культурный стереотип, отличный от европейского? Как нам кажется, это лишь отчасти верно. Нередко белые переодевались в индейцев, демонстрируя пренебрежение к закону, выражая свою готовность к насилию и стремление защитить свои права, как, впрочем, это было и в случае с Бостонским чаепитием. Но, если в Бостоне «белые индейцы» и готовы были отождествлять себя с коренными американцам, демонстрируя свою «принадлежность» к племени мохоков, то «дикие янки», «белые индейцы штата Мэн» или лесорубы Нью Гемпшера вряд ли стремились к этому. Образ индейцам был лишь инструментом, с помощью которого они пытались «спрятать» свою идентичность. Если здесь и скрывался какой-то символ, то он ни в коей мере не был связан с какими-то симпатиями индейцам. Может быть права Р. Грин в своем заявлении: «Я настаиваю на том, что «игры в индейцев», в которых принимают участие не-индейцы, являются выражением физического и психологического вытеснения, даже смерти, настоящих индейцев. В этом смысле представление, часто устраиваемое из якобы декларированной любви к индейцам, на самом деле является обратной стороной другого известного культурного феномена, «ненависти к индейцам», часто находящего свое выражается в другом, смертельном жанре, называемом 'геноцид'». Многие «дикие янки» (Moyer, стр. 38-40)

или «белые индейцы Мэна»¹ (Taylor, pp. 181-189), рядившиеся индейцам, не испытывали никакой симпатии к индейцам. По своей ментальности они были ближе к Пакстонским мальчишкам. И все же, как полагает А. Тейлор, сравнение себя с индейцами имело глубокое значение для участников этого движения, так как подчеркивало связь восставших с «угнетенными индейцами, воспринимаемыми белыми, как отбросы общества. В коммуналистском и эгалитарном этосе индейцев («мы все братья») Брэккетт² видел возможность критики общества» (Taylor, стр. 187). К схожей метафоре братства прибегли и руководители восстания в конце XVIII в Западной Пенсильвании из-за налога на производство крепких напитков (Whiskey Rebellion). В памфлете «Индейский договор», приписываемом одному из руководителей восстания Г. Г. Бреккенридж (Hugh Henry Brackenridge (1748 – 1816), мы находим огромное количество аллюзий на Союз Ирокезов: Шесть объединенных племен Белых Индейцев³, вождь Белое Одеяло, племенной костер, обращение к читателям «братья» и т.д. (Brackenridge, p. 210).

Но помимо подобных групп, были и институализированные группы, изображавшие или называвшие себя индейцами, хотя таковыми не являлись. Индеец уже во второй половине XVIII в. оказался вписанным в новую обрядовую жизнь жителей Новой Англии. С особой очевидностью это проявилось в таком обществе, как «Сыны Св. Таммани». Феномен этого общества, центральной фигурой которого стал индейский вождь делаваров (ленапэ) Таманенда, заключившего договора с Уильямом Пенном о передаче белым колонистам части индейских земель.

(Продолжение следует)

Список литературы

Cabeen, F. A. (1901). The Society of the Sons of Saint Tammany of Philadelphia. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 25, 433-451.

Baxter, J. P. (1907). *The Baxter manuscripts*. Portland: Lefavor-Tower Company.

Bell, C. H. (1871). *Men and things of Exeter. Sketches from the history of an old New Hampshire town*. Exeter: The News-letter press.

¹ Движение белых колонистов за свои права в первом десятилетии XIX в. в Массачусетсе.

² Даниэль Брэккетт – один из лидеров восставших «белых индейцев» в Мэне

³ Six United Nations of White Indians

Bell, C. H. (1888). *History of the town of Exeter, New Hampshire*. Exeter.

Brackenridge, H. M. (1859). *History of the western insurrection in western Pennsylvania: commonly called the whiskey insurrection*. 1794. Pittsburgh: W. S. Haven.

Croghan, G., & White, A. (1947). The Opinions of George Croghan on the American Indian. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 71, 152-159.

Deloria, P. J. (1998). *Playing Indian*. New Haven: Yale University Press.

Dixon, D. (2014). *Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America*. Norman: University of Oklahoma Press.

Drake, F. S. (1884). *Tea leaves: being a collection of letters and documents relating to the shipment of tea to the American colonies in the year 1773*. Boston: A. O. Crane.

Dunbar, J. R. (1957). *The Paxton Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff.

Eacott, J. (2016). *Selling Empire: India in the Making of Britain and America, 1600-1830*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Fenn, E. A. (2000). Biological Warfare in Eighteenth-Century North America: beyond Jeffery Amherst. *The Journal of American History*, 86, 1552-1580.

Forbes, J., & Stewart, I. (1927). *Letters of General John Forbes: Relating to the Expedition Against Fort Duquesne in 1758*. Pittsburgh: Allegheny County Committee.

Fraser, S., & Freeman, J. (2010). IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. *New Labor Forum*, 19(3), 75-81.

Goss, E. H. (1891). *The Life of Colonel Paul Revere* (T. 1). Boston: Joseph George Cupples.

Green, R. (1988). The Tribe Called Wannabee: Playing Indian in America and Europe. *Folklore*, 99, 30-55.

Hindle, B. (1946). The March of the Paxton Boys. *The William and Mary Quarterly*, 3, 461-486.

Moyer, P. B. (2006). «A Dangerous Combination of Villains»: Pennsylvania's Wild Yankees and the social context of agrarian resistance in Early America. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 73, 37-68.

Preston, D. L. (2007). "Make Indians of Our White Men": British soldiers and Indian warriors from Braddock's to Forbes's Campaigns, 1755-1758. *Pennsylvania History*, 74, 280-306.

Ranlet, P. (2000). The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 67, 427-441.

Ridner, J. (2005). Relying of the "Saucy" Men of the Backcountry: Middlemen and the Fur Trade in Pennsylvania. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 129, 133-162.

Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stone, W. H. (September 1896 - February 1897 1897 г.). The Royal Pines of New Hampshire. *The New England magazine*, N.S. 15 (O.S. 21), стр. 26-32.

Taylor, A. (1990). *Liberty Men and Great Proprietors: The Revolutionary Settlement on the Maine Frontier, 1760-1820*. Chapel Hill: UNC Press Books.

Volwiler, A. T. (1922). George Croghan and the Westward Movement, 1741-1782. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 46, 273-311.

Volwiler, A. T. (1924). William Trent's Journal at Fort Pitt, 1763. *The Mississippi Valley Historical Review*, 11, 390-413.

Wagoner, S. A. (1979). Captain Jack – man or myth? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 46, 99-118.

SEMANTIC DIVERSITY OF IMAGES OF THE INDIAN IN NEW ENGLAND IN THE XVIII CENTURY

Yakushenkov S.N.

Yakushenkov Serguey Nickolayevich, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatischeva Str., 20a. E-mail: shuilong@mail.ru

The article is devoted to the transformation of the image of the Indian in the perception of the American colonists of New England in the 18th century. Intercultural communication of Whites with Native Americans took a wide variety of forms: from the peaceful coexistence of Penn's Quakers with the Delaware, to the massacre of the Susquehannock tribe (Conestoga) by Paxton Boys. The Seven-year war in America and the Pontiac rebellion hurt painfully the inhabitants of the Frontier territory, who were forced to reflect constantly the raids of the Indians or participate in the military operations of the British army against the Native

Americans. In some cases, hatred for the Indians was so great that the white colonists spared neither women nor children, and in some cases risked themselves in the spreading of smallpox among the Native Americans.

All this complicates the answer to the question of why in many cases the colonists resorted to the image of an Indian to express their interests. Often, this image served to hide their true face, portray themselves as antisocial wild Indians, and not good colonists. But at the same time the Indian turned out to be a symbol of “Americanness”, belonging to American culture, which is opposed to English traditions and the British crown. Boston Tea Party may act as an example of such a model of behavior. Especially indicative is the fact that the relationship with the Indians in the Colony of Massachusetts was not so rosy as in Pennsylvania. However, here again revolutionary slogans were often filled with Indian symbolism. All this shows that the Indian as the Other constantly occupied the entire semantic field, acting then as an enemy, then as a friend, as an ally and as a pattern to follow. This article is only the first part, which deals with the issue of the symbolism of the Alien (on the example of the Indian image) in the American cultural context of New England. In the second part of the article, examples from the history of New England of the 18th century will be considered. with the use of the image of the Indian both in the context of European holiness, and modern traditions of the use of Indian symbolism in American sport.

Key words: Image of the Indian, the Other, Alien, Native Americans, Symbols, New England, Pennsylvania, Boston Tea party.

References

Cabeen, F. A. (1901). The Society of the Sons of Saint Tammany of Philadelphia. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 25, 433-451.

Baxter, J. P. (1907). *The Baxter manuscripts*. Portland: Lefavor-Tower Company.

Bell, C. H. (1871). *Men and things of Exeter. Sketches from the history of an old New Hampshire town*. Exeter: The News-letter press.

Bell, C. H. (1888). *History of the town of Exeter, New Hampshire*. Exeter.

Brackenridge, H. M. (1859). *History of the western insurrection in western Pennsylvania: commonly called the whiskey insurrection. 1794*. Pittsburgh: W. S. Haven.

Croghan, G., & White, A. (1947). The Opinions of George Croghan on the American Indian. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 71, 152-159.

Deloria, P. J. (1998). *Playing Indian*. New Haven: Yale University Press.

Dixon, D. (2014). *Never Come to Peace Again: Pontiac's Uprising and the Fate of the British Empire in North America*. Norman: University of Oklahoma Press.

Drake, F. S. (1884). *Tea leaves: being a collection of letters and documents relating to the shipment of tea to the American colonies in the year 1773*. Boston: A. O. Crane.

Dunbar, J. R. (1957). *The Paxton Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff.

Eacott, J. (2016). *Selling Empire: India in the Making of Britain and America, 1600-1830*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Fenn, E. A. (2000). Biological Warfare in Eighteenth-Century North America: beyond Jeffery Amherst. *The Journal of American History*, 86, 1552-1580.

Forbes, J., & Stewart, I. (1927). *Letters of General John Forbes: Relating to the Expedition Against Fort Duquesne in 1758*. Pittsburgh: Allegheny County Committee.

Fraser, S., & Freeman, J. (2010). IN THE REARVIEW MIRROR: History's Mad Hatters: The Strange Career of Tea Party Populism. *New Labor Forum*, 19(3), 75-81.

Goss, E. H. (1891). *The Life of Colonel Paul Revere* (T. 1). Boston: Joseph George Cupples.

Green, R. (1988). The Tribe Called Wannabee: Playing Indian in America and Europe. *Folklore*, 99, 30-55.

Hindle, B. (1946). The March of the Paxton Boys. *The William and Mary Quarterly*, 3, 461-486.

Moyer, P. B. (2006). «A Dangerous Combination of Villains»: Pennsylvania's Wild Yankees and the social context of agrarian resistance in Early America. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 73, 37-68.

Preston, D. L. (2007). "Make Indians of Our White Men": British soldiers and Indian warriors from Braddock's to Forbes's Campaigns, 1755-1758. *Pennsylvania History*, 74, 280-306.

Ranlet, P. (2000). The British, the Indians, and Smallpox: What Actually Happened at Fort Pitt in 1763? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 67, 427-441.

Ridner, J. (2005). Relying of the "Saucy" Men of the Backcountry: Middlemen and the Fur Trade in Pennsylvania. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 129, 133-162.

Sipe, H. C. (1929). *The Indian wars of Pennsylvania*. Harrisburg: The Telegraph Press.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stevens, S. K., & Kent, D. H. (Ред.). (1942). *The papers of Col. Henry Bouquet*. Harrisburg: Pennsylvania Historical Commission.

Stone, W. H. (September 1896 - February 1897 1897 г.). The Royal Pines of New Hampshire. *The New England magazine*, N.S. 15 (O.S. 21), стр. 26-32.

Taylor, A. (1990). *Liberty Men and Great Proprietors: The Revolutionary Settlement on the Maine Frontier, 1760-1820*. Chapel Hill: UNC Press Books.

Volwiler, A. T. (1922). George Croghan and the Westward Movement, 1741-1782. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*, 46, 273-311.

Volwiler, A. T. (1924). William Trent's Journal at Fort Pitt, 1763. *The Mississippi Valley Historical Review*, 11, 390-413.

Wagoner, S. A. (1979). Captain Jack – man or myth? *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*, 46, 99-118.

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№3 (7)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№3 (7)

2017